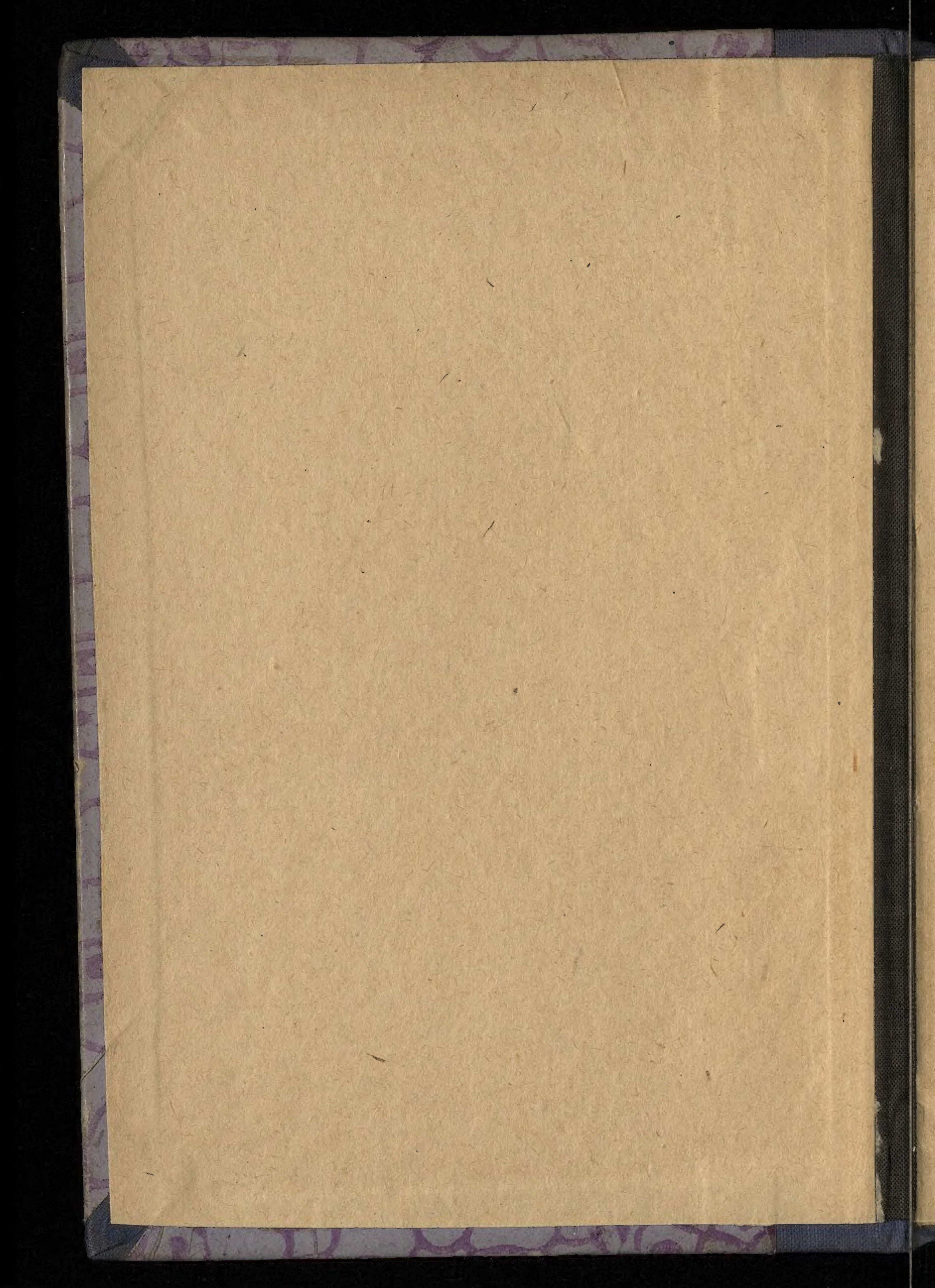
АРЦЫБАШЕВА

КР. ОЧЕРК

ВОПРОСОВ...

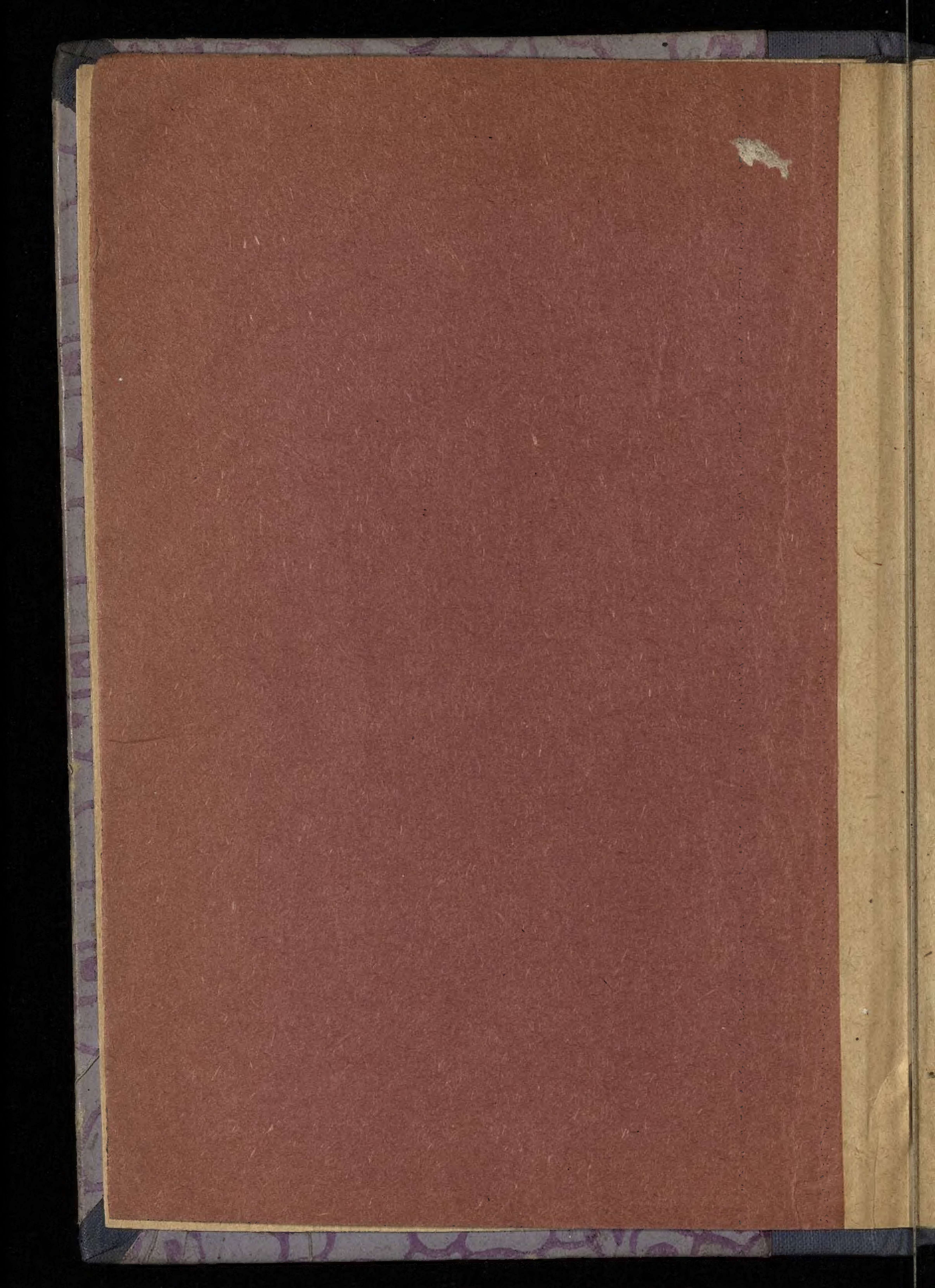

КУБАНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Т. АРЦЫБАШЕВА

КРАТКИЙ ОЧЕРК
ВОПРОСОВ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ (ЯФЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ)

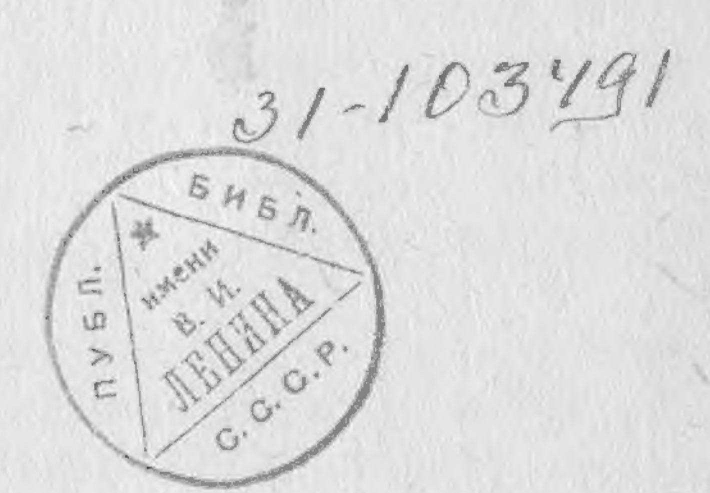
КРАСНОДАР 1931

КУБАНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Т. АРЦЫБАШЕВА

КРАТКИЙ ОЧЕРК ВОПРОСОВ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ (ЯФЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ)

КРАСНОДАР 1931

Отпечатано
в типо-лит. имени А. А. Лиманского
Севкавкрайполиграфобъединения,
Краснодар, ул. Гоголя, 54,
в мае 1931 г.

Стф. ОСТ $А^5$ 148 × 210.
Красгорлит № 1129. Заказ № 2239. Тираж 500 экз.

ОТ АВТОРА.

Задача настоящего небольшого очерка заключается в том, чтобы познакомить студенческую массу с основными положениями материалистической лингвистики (яфетидологии). До сих пор у нас в Советском Союзе нет такой популярной работы, которая бы сгруппировала и привела в систему все взгляды и положения, высказанные Н. Я. Марром и его последователями в ряде трудов, касающихся общего учения об языке. Книга самого Н. Я. Марра под названием „Яфетическая теория“, которая должна была бы служить такой общей сводной работой, рассчитана скорее на специалиста-лингвиста, чем на начинающего изучать лингвистику, мало подготовленного, студента. Поэтому для прочтения как этой книги, так и вообще остальной яфетидологической литературы, требуется предварительная подготовка студентов по ознакомлению с основными методологическими вопросами, а также со специальной терминологией и техникой яфетидологии.

Опыт моих занятий со студентами показал, что усвоение материала в яфетидологической литературе возможно только после предварительного более детаљного разъяснения его самим преподавателем. Поэтому у меня возникла мысль о создании более популярного очерка, могущего послужить введением к усвоению работ самого Н. Я. Марра.

Своей задачей я ставила освещение наиболее важных моментов материалистической науки об языке в общем в том виде, как они трактуются самим Н. Я. Марром, а также группой материалистов-лингвистов, работавших в подсекции материалистической лингвистики Комакадемии в Москве в 1929-30 г.

При составлении очерка я пользовалась основными трудами Н. Я. Марра; в части же истории развития самой яфетидологии материалом послужили как труды Н. Я. Марра, так и работа Мещанинова „Введение в яфетидилогию“ и статьи тов. Аптекаря, посвященные этому вопросу.

В части физиолого-акустической классификации звуков грузинского языка я пользовалась схемой и указаниями проф. Н. Ф. Яковлева.

Эта работа является только первой попыткой создать популярное изложение вопросов материалистического языкознания, потребность в котором считаю очень назревшей. Создание более обширного, популярного труда в этой области должно быть делом недалекого будущего.

Примечание. Ввиду сильного запоздания выхода работы, материал и выводы в некоторых частях устарели и требуют их критического пересмотра, на основе тех итогов дискуссии, которая имела место в Москве в конце 1930 года. Настоящая работа может дать только краткий очерк тех установочных положений яфетической теории, без уяснения которых невозможна правильная оценка и критика языковедной концепции Н. Я. Марра. Считаю, что яфетическая теория имеет некоторые механические построения и не является марксизмом „в становлении", но что отдельные ценные положения, как-то: трактовка языка как идеологической надстройки, проблема единого глоттогонического процесса и классовая обусловленность языковых явлений, впервые в науке о языке определенно высказанные Н. Я. Марром, должны несомненно лечь в основу построения будущей марксистской лингвистики.

Г. Краснодар, 5-X—1930 г.

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЛИНГВИСТИКУ (яфетическую теорию).

Глава I.

Содержание и задачи материалистической лингвистики (яфетидологии).

Новое направление в науке об языке, зародившееся на почве советского общества и творцом которого является академик Н. Я. Марр, называется условно яфетидологией. Термин этот сам по себе не выражает принципиальной сущности нового учения о языке, а потому лучше называть это последнее материалистической лингвистикой в противовес тому идеалистическому направлению, которое царит на Западе и носит название индоевропейской лингвистики или просто индоевропеистики. Само же материалистическое учение о языке, в основе правильно стоящее на точке зрения материалистического объяснения развития языка, требует еще дальнейшей проработки его методом диалектического материализма, для того чтобы перерасти в марксистскую лингвистику.

В данной работе мною будут применяться эти оба термина, как равнозначущие, причем само происхождение термина „яфетидология" будет объяснено ниже.

Переходя к изложению основных принципов материалистической лингвистики, вначале необходимо остановиться на вопросах: что же представляет из себя наука об языке, какое место ей должно быть уделено в среде других научных дисциплин, каковы ее цели и задачи с точки зрения тех материалистических воззрений на язык, которые существуют в нашей советской науке.

Самое понятие „язык" прежде всего подразумевает функцию сообщения на основе трудового процесса, а следовательно предполагает какой-то коллектив, а не индивидуум. Язык является одним из могучих средств общения людей друг с другом и в этом смысле он играл и играет большую роль в культурном развитии человеческого общества.

Но язык является в классовом обществе как орудием общения, так и разобщения, как правильно отмечает проф. Яковлев. Наглядным примером этому факту служит существование двух языков в буржуазном обществе: литературного, отличающегося более высоко развитой типологией (совокупность грамматических норм в языке), созданного феодальной аристократией и буржуазией в целях разграничения и отличения себя от простонародья, и языка низших порабощенных масс — простонародного, являющегося по своему строю и формам речи более примитивным. Такую же роль классового, национального и расового разобщения играет и письменность в буржуазном обществе. В социалистическом обществе, язык не будет играть роль разобщения, поскольку в этом обществе не будут различаться ни классы, ни национальности, ни расы.

Конечно, это может произойти тогда, когда „социализм войдет в быт", как правильно говорит об этом тов. Сталин.

Являясь продуктом многовекового творчества человеческого коллектива, а следовательно социальным фактором, язык подчиняется законам развития общества и переживает определенные стадии вместе с ним, которые отражаются в изменении его системы. Поэтому ни в коем случае нельзя согласиться со взглядами некоторых индоевропеистов у нас в СССР на индивидуалистическую природу языка (ак. Шахматов, Потебня, Поливанов), считающих, что реально существует язык только одного к.-н. суб'екта, а язык наций является фикцией.

В данном случае надо различать два момента в языке: речь — как каждое отдельное индивидуальное высказывание, и язык — как систему норм и законов, по которым строится каждое такое высказывание. Речь является индивидуальной постольку, поскольку она проявляется через каждый отдельный индивидуум, но в то же время она социальна, потому что, если бы не было общих норм языка, она не могла бы осуществиться, и даже в этом, казалось бы, индивидуальном моменте говорения она испытывает примат коллектива.

Ведь общее понятие язык не существует вне индивидуальной конкректной речи отдельных людей, а проявляется только в ней, но в то же время отдельная индивидуальная речь не существует вне общего понятия — язык. Эта связанность общего с частным или единство противоположностей — основной принцип диалектического понимания языка.

Без языка не было бы культуры. Громадное значение этого „могучего рычага культурного подъема", по словам ак. Марра, было учтено и выражено в национальной политике нашего советского правительства, давшей возможность гораздо быстрее развиваться нацменьшинствам в Советском Союзе.

Сама же наука об языке, как изучающая одно из проявлений человеческого общества, естественно должна относиться к области общественных наук и занимать определенное место в среде тех из них, которые исследуют идеологические надстройки.

До сих пор наука об языке, как самостоятельная дисциплина, хотя и была выделена в начале XIX века, но оставалась совершенно оторванной от других общественных наук, изучалась изолированно от них, и, не имея под собой никакой реальной базы, пришла к кризису, о котором говорят сами индоевропейские ученые.

С точки зрения марксизма наука об языке должна иметь место в среде общественных наук, причем явления языка должны трактоваться, как связанные с историей развития общества, а не объясняться лишь внутренними законами саморазвития языка.

В этом смысле материалистическая лингвистика стоит на правильном пути, изучая и объясняя факты языка не только его внутренним диалектическим процессом развития, но устанавливая их тесную связь с развитием всего общества с одной стороны, а с другой—привлекая к объяснению языковых явлений другие общественные дисциплины: историю материальной культуры, историю развития общественных форм, искусство, литературу, фольклор и т. д. Эта увязка лингвистики с другими общественными науками является одним из главнейших достижений нового учения об языке и залогом будущего его успешного развития.

Материалистическое воззрение на язык предопределяет одинаковый интерес и необходимость изучения всех языков мира, не считаясь с фактом письменности или бесписьменности данного языка, что значительно расширяет круг привлекаемых материалов исследования и характеризует новое учение, как подлинную науку о языке.

С этой точки зрения индоевропеистика не является подлинной наукой об языке, т. к. она включает в круг своих исследований почти исключительно только письменные, высококультурные языки, объединяемые ею по звуковым соответствиям в одну родственную индоевропейскую семью языков. А может ли быть истинной та наука, которая исследует подлежащий объект только с одной его стороны, выхватывая ряд отдельных фактов и не считаясь с остальными?

Примером такого исследования со стороны индоевропейской теории может служить язык басков, обитающих частью во Франции, частью в Испании, который по своему строю настолько отличается от окружающих его индоевропейских языков, что не мог быть отнесен прежними западными лингвистами ни к одной из установленных ими ветвей общей индоевропейской семьи языков. Поэтому он просто игнорировался при исследовании, а в объемистых учебниках по общему языкознанию о нем говорилось только в нескольких строках: „что касается языка басков, то его родственные отношения остаются неизвестными“.[1]

С точки зрения родства или неродства рассматривались и другие языки, как например кавказские, и это являлось критерием

[1] В. Поржезинский.—Введение в языковедение, стр. 5.

для необходимости или ненужности более глубокого их изучения. Этот ложный критерий „родства", с которым подходили индоевропейские ученые к неизвестным им языкам, основывался на неправильном воззрении на самый язык, как на факт не социального порядка, а естественно-исторического, а вследствие этого и само развитие языка понималось ими не как единый процесс словотворчества на всем земном шаре, а как индивидуалистическая самодовлеющая эволюция живого организма лишь на данной территории. Ненаучность такого взгляда на язык с точки зрения марксистско-ленинской методологии совершенно очевидна, и потому индоевропейская лингвистика не может претендовать на научную теорию об языке, благодаря тому, что, как совершенно правильно отмечает Н. Я. Марр,—„наукой об языке может быть признано только то учение, которое считается с особенностями всех языков мира и, исходя из учета конкретной системы каждого из них, не только отводит или намечает каждому из них принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых может и должна отныне протекать специальная работа над каждым языком, исчерпывающе углубленное исследование каждого языка".[1]

Исходя из этого положения, материалистическая лингвистика должна вовлекать в круг своих исследований все языки мира, причем каждый из них должен изучаться с точки зрения свойственной ему не только формальной стороны, но и идеологической.[2] До сих пор старая индоевропейская теория занималась исключительно изучением языков с их формальной стороны, т. е. с точки зрения присущих им форм слов и звуков, и на основании этого и классифицировала все языки по морфологическим признакам. Новая материалистическая лингвистика дополняет эту однобокость изучением другой более существенной стороны языка—идеологической, которая находит свое отражение главным образом в лексическом запасе и в семантике слов, т. е. в их значении. Как-раз на эту сторону языка яфетидология обращает наибольшее внимание, потому что она тесно связана с социально-экономической базой общества, выразителем которой через промежуточные идеологические звенья является сам язык. А понять и изучить какой-нибудь язык—это значит не только узнать его внешнюю формальную оболочку, но и самую сущность его, строй речи, значения его лексики, ибо в самом языке заключено единство противоположностей: формы и содержания, благодаря чему и совершается диалектическое развитие языка.

Материалистическая лингвистика не останавливается только на статическом изучении языков в данном их состоянии. Бази-

---

[1] Н. Я. Марр.—Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком. стр. 25. Сборник „Языковедение и материализм".

[2] Термин, употребл. Н. Я. Марром для выражения содержания языка: запас слов и их значений.

руясь на причинности возникновения языковых фактов, она идет вглубь изучения языков в их вертикальном разрезе и доходит до момента происхождения языка, который является одним из существеннейших вопросов ее исследования. Ведь для того, чтобы изучить и понять данный нам объект, необходимо проследить историю его развития и в конечном счете причину его возникновения. Не говоря о роли такого изучения естественных явлений (свет, энергия воды, притяжение земли и т. д.), которое способствовало быстрому техническому прогрессу общества, мы тем более можем говорить о важности такого подхода к явлениям социального порядка, что блестяще подтверждается марксистской наукой. Чтобы определить сущность данного социального фактора, нам надо знать причину его возникновения, ибо эта причина, позволяя нам установить и объяснить данное явление на определенной стадии его развития, с другой стороны поможет нам объяснить и весь последующий его процесс и до известной степени воздействовать на направление его дальнейшего развития.

Проблеме происхождения языка уделяется большое место в материалистической лингвистике, тогда как в индоевропеистике эта область считалась ненаучным придатком, и вопрос о происхождении языка или обходился молчанием, или обращался в идеалистическое и формальное сведение существующих языков к единому праязыку. Такое исключение одного из важнейших вопросов лингвистики исходило из предпосылок ложного воззрения индоевропеистов на языковую структуру, как на нечто стабильное, присущее с испокон века данным языковым единствам. Так, например, тот строй, которым в данный период характеризуются индоевропейские языки,—называется в старой науке о языке „флективным" и является с точки зрения ее присущим этой группе языков с момента их появления в природе. Следовательно, изучая звуковые соответствия, а также другие формальные сходства родственных между собою языков одной семьи, по мнению индоевропеистов, можно реконструировать, т. е. восстановить тот праязык, который с течением времени разбился на несколько родственных между собою языковых ветвей. Дальнейшее более углубленное изучение развития языков и их происхождения считалось даже ненаучным и гипотетичным с этой узко формальной точки зрения на язык.

Что проблема происхождения языка является неотъемлемой и важнейшей частью современного материалистического языкознания, говорит нам то обстоятельство, что, хотя в нашей марксистско-ленинской литературе очень мало уделено внимания фактам языка, но то, что имеется, посвящено именно вопросам происхождения речи,—так, например, статья Энгельса: „Труд, как фактор эволюции в процессе развития от обезьяны к человеку".

Введение же этого вопроса в качестве одного из основных объектов исследования лингвистики значительно расширяет и углубляет содержание данной науки.

Соответственно взглядам нового учения об языке на его материалистическую сущность и на языковые факты, как на отражение социально-экономических отношений общества, а следовательно и свойственного всем явлениям общественного порядка диалектического развития,—материалистическая лингвистика ставит перед собой другие задачи и цели, чем индоевропеистика. В основе задач последней стояло установление родства как между отдельными высокоразвитыми языками, так и языковыми семействами в целом, и с этой точки зрения поле исследования ограничивалось только определенными языками, имеющими то или иное отношение к родственным семействам. С другой стороны исследование языков шло в вертикальном разрезе в смысле установления единых празвуков, пракорней и праслов, т. е. сведения всего языкового многообразия к единому праязыку, что тоже не выводило исследователя из строгих рамок изучения и сравнения одних родственных языков.

Для новой материалистической лингвистики нет таких ограничений. Она подходит к изучению языков не с точки зрения их родства между собою, а с точки зрения установления типологии конкретно каждого языка в отдельности, в процессе глоттогонии, т. е. созидания речи, который является единым языковым процессом на всем земном шаре. Язык, начиная от самого примитивного, до самого культурного, проходил известные этапы своего развития, которые обусловливались явлениями как внутреннего диалектического процесса развития, так и явлениями социально-экономического порядка, и как в развитии общества мы имеем определенную смену формаций, как-то: патриархата, феодализма, капитализма и т. д., так и в языке мы имеем известные периоды, которые характеризуются всей совокупностью признаков, как со стороны формальной, так и идеологической,—по терминологии Н. Я. Марр,—суммой координатов, и носят название стадий или типологий.

Материалистическая лингвистика ставит своей задачей глубокое исследование всех стадий развития языка, причем каждый язык должен найти свое место в системе этих стадий, а отсюда все языки мира должны изучаться с одинаковым вниманием, а не только родственные между собою. В противовес старому индоевропейскому учению, новая материалистическая лингвистика особенно уделяет интерес так называемым изолированным примитивным языкам, так как в последних наиболее ярко сохранились прежние ступени развития языка. Для установления же правильной картины жизни и развития языка, естественно, надо выяснить всю цепь проделанных им этапов, причем каждый язык не должен рассматриваться изолированно, в системе не только единого языкового развития, но и в системе единого социального культуротворчества.

Самое развитие языка понимается материалистической лингвистикой не как эволюционная смена стадий, как это понима-

ется новейшей так называемой „социологической“ школой на Западе, а как революционный скачок и переход из одной стадии в другую. Этот момент революционности в языке отмечается Н. Я. Марром в его книге „Яфетическая теория“ на стр. 77, когда он пишет, касаясь этапов языка, следующее: „На деле же те стоянки или этапы—лишь поворотные или революционные. Они взрывают устоявшуюся среду и открывают новые пути, по которым постепенно и налаживается сложение нового типа и развитие, и на этих же путях зарождается расхождение, возникновение антитезы рядом с тезисом, дающее в итоге борьбы новое разрешение в революционном сдвиге на следующей узловой стоянке“. Из этой цитаты видно, что в основе развития языка лежит диалектика, и вот установление единых принципов диалектического развития всех языковых единств является одной из существеннейших задач нового материалистического учения об языке. Важно не только пользоваться голой формулой в теории, но необходимо конкретно в отношении каждой языковой культуры и отдельных речевых фактов установить диалектику их развития. В этом осуществится правильный марксистский анализ, который еще недостаточно осуществлен в яфетидологии.

На основе такого глубокого марксистского анализа каждого языка в отдельности, материалистическая лингвистика ставит своей задачей установление ряда языковых типологий или стадий, по которым может быть произведена классификация языков.

Если раньше в индоевропейской лингвистике такая классификация проводилась, базируясь исключительно на формальных признаках языков, а именно — главным образом на признаке словоизменения, то современное новое учение об языке основывает свою классификацию, исходя из всей суммы признаков языка, характеризующих его как с формальной стороны, а также и со стороны идеологической, с установлением связи между этими двумя сторонами и общим развитием общества, потому что только изучение объекта со всех сторон может дать правильное представление о нем. Но для материалистической лингвистики недостаточно еще выделить всю совокупность признаков, характеризующих тот или иной язык, —для нее важно определить преобладающие признаки в данный момент, для того чтобы отнести язык в ту или иную типологию.

Ведь язык является постоянно развивающейся системой, в которой отлагаются все ступени развития, и потому в каждом языке мы можем наблюдать не только данный типологический этап, но и те этапы, которые им уже пройдены. Как в капиталистическом обществе сохраняются пережитки феодального строя и даже тотемистического, хотя бы в старых обрядах и верованиях, так и в языке наблюдаются пережитки предшествующих стадий их развития.

Поэтому ни один язык не может мыслиться нами, как единое монолитное целое, выражающее только данный этап развития, а

напротив, как система целой цепи пройденных им этапов. По правильному выражению проф. Н. Ф. Яковлева, язык можно характеризовать, как систему систем. В этой характеристике углубляется момент понимания связанности рядов, пройденных по пути развития языка, и его неотчуждаемости из круга других языковых единств.

Но на этом исследование не заканчивается. Для материалистической лингвистики важно не только установить типологию языка и его место в классификационной системе, но еще важнее оправдать явления лингвистического порядка фактами развития культуры общества. Поэтому главной целью нового учения об языке, как это явствует из самого его названия, увязать явления языка и все его развитие с развитием человеческой культуры. В этом коренное различие со старой индоевропейской лингвистикой, изучающей язык оторванно от его материалистической базы.

Задача, которую ставит перед собою новое учение об языке, заключается в том, чтобы каждая типология языка могла бы найти свое отражение в общем развитии общества, которое обуславливается, в конечном счете, производственными отношениями. Задача эта весьма сложная, потому что язык, как идеологическая надстройка, увязан рядом опосредствований с основной производственной базой, а не непосредственно с ней, причем эти опосредствования, как например основное из них: наличие классов в обществе, находит соответствующее влияние и отражение в языке и как бы затемняет первоочередное влияние базиса. Правда, в более примитивном обществе мы находим и более яркое непосредственное влияние материальной базы на язык, как-то: в северокавказских яфетических языках, в китайском, в языке американских индейцев и т. д., но не надо забывать и тех факторов надстроечного порядка, а также внутриязыковых явлений, стабилизовавшихся уже в известные нормы и законы, которые оказывают свое действие на развитие языка. Недоучет этих внутренних факторов может повести к чисто механическому объяснению процесса языкового развития и свести новое учение об языке к такому явлению, как „переверзевщина“ в литературе. Что язык является сравнительно отдаленной надстройкой от своего базиса, говорят нам такие факты, как, например, большое запаздывание языкового развития по сравнению с развитием общества.

Основываясь на той материалистической предпосылке, что, независимо от родства языков и их территориального расположения, одинаковая социально-экономическая формация обуславливает сходство языковых типологий, материалистическая лингвистика считает поставленную в этом отношении задачу вполне разрешимой.

Все вышеизложенные задачи материалистической лингвистики оказались бы незавершенными, если бы мы остановились только на ее чисто языковых исследованиях и не выяснили ее отношений со смежными общественными науками. Ведь при том расши-

ренном понимании лингвистики, какое ей дает яфетидология, она должна внести свой вклад и увязаться с историей материальной культуры, с историей вообще и т. д. Недаром Н. Я. Марр в своем докладе на конференции историков-марксистов поднял вопрос о значении яфетидологии при изучении исторического процесса. Так, например, вопрос о происхождении городов, их росте и развитии в средних веках, а также вопросы этнонимического порядка, т. е. касающиеся названия племен и народов и связанных с ними названий территорий, могут получить совершенно другое освещение, пользуясь новыми лингвистическими данными.

Применение языковых данных, добытых новым учением о языке к таким общественным наукам, как история материальной культуры, в специальных работах Н. Я. Марра: „Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории“. „Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры“, — углубляет и освещает до этого темные вопросы, касающиеся одомашнения и использования диких животных, в первую очередь не лошади и не собаки, а оленя, в зависимости от тогдашних климатических условий, в которых находилось человеческое общество.

Лингвистические факты позволяют нам уточнить картину социальных отношений в период так называемого родового строя в процессе развития общественных формаций, причем эта картина значительно меняется при использовании новых языковых данных, принимая ярко выраженную форму матриархата у большинства народов, со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями, не только на Кавказе и южной Европе, как это видно из работ Н. Я. Марра „Право собственности по сигнализации языка“ [1] и проф. Яковлева: „Термины „мать“, „отец“, „сестра“, „брат“ в северо-кавказских яфетических и некоторых других языках“ [2], но и на далеком Востоке, а именно — в Японии, историческое прошлое которой находится еще под пеленой мифов [3].

Из положительных результатов применения языковых данных к другой науке — мифологии — можно указать на расшифрование Н. Я. Марром романа „Тристан и Изольда“, параллели которого могут быть найдены в персидском эпосе „Виса и Рамин“ и армянском о Сартенике, причем это сходство не объясняется простым заимствованием, а предпосылками одинаковых форм организации труда на определенном этапе развития человеческого общества. Такие же родственные генетические параллели устанавливаются яфетидологией по отношению греческих сказаний о Прометее и народного грузинского предания о герое сказки — Амирани.

---

[1] Сборник к шестидесятилетию Д. Б. Рязанова — „На боевом посту“.

[2] Ученые записки Н.-И. Института Народов Востока, т. I.

[3] Доклад, сделанный автором на заседании секции языка в мае 1929 г. в Н.-И Институте народов Востока и подготовляемый к печати.

Все это говорит за то, что языковые факты, добытые яфетидологией, анализ их и основные положения, которые выдвигает яфетидология, являются ценным вкладом для других обществоведческих наук. Учет этих данных уже имеется в некоторых работах и не лингвистов, как, например, в работе историка — В. Н. Быковского, в его труде „К вопросу о трех древнейших центрах Руси“,[1] в исследованиях: И. Франк-Каменецкого, В. Струве, И. Мещанинова и др.[2]

Все это говорит за правильный путь исследований и разрешения основных лингвистических проблем, по которому строится современная материалистическая лингвистика. Подтверждением этому могут служить следующие слова М. Н. Покровского, когда он в прениях по поводу доклада академика Марра на конференции историков-марксистов отметил: „Я глубоко убежден, что если бы Энгельс был жив, то, по всей вероятности, никакого сомнения не было бы относительно того, что теория Марра есть одна из полезнейших для марксизма теорий. Это не подлежит никакому сомнению“.[3]

---

[1] Труды Вятского Педагогического Института имени Ленина, 1928 г.

[2] И. Франк-Каменецкий. — Вода и огонь в библейской поэзии (Я. С. III).
В. Струве. — Лошади в мистериях Осириса (Я. С. III).
И. Мещанинов. — Выдвигаемые яфетическим языкознанием вопросы в области изучения ванской клинописи (Я. С. IV).

[3] Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. II, стр. 306.

Глава II.

История развития материалистической лингвистики (яфетидологии).

Для правильного понимания всей истории развития яфетидологии следует всегда помнить следующие слова академика Марра в его предисловии к „Классифицированному перечню печатных работ по яфетидологии“ — „Яфетическое языкознание отнюдь не вылетело, подобно Афине-Палладе, из головы Зевса; оно 1) родилось в той же буржуазно сложенной и скроенной научной среде, более того — зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики, без которой его и не было бы, и 2) с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически-научной работы“.[1]

Яфетидология, построенная вначале на основах индоевропейской теории, по мере накопления языковых фактов, постепенно внутренне эволюционировала, пока не пришла к моменту полного разрыва, как по сущности содержания, так и по методу со старым языковедным учением, вступая на путь марксистской лингвистики в настоящее время.

Самый термин „яфетидология“ — „яфетический“ является сейчас пережитком той стадии развития нового учения об языке, когда оно еще было связано с индоевропейской теорией. Дело в том, что, исходя из взглядов последней, все языки Афревразии делились по признаку родства на семьи: индоевропейскую, которая обнимала все языки Европы плюс иранский и индусский в Азии; семитическую, куда входили языки: древнеассирийский, еврейский, арамейский и арабский; хамитическую или хамитскую, с языками египетским или коптским, берберским и кушитским; угрофинскую, в составе которой находятся: финский, эстонский, карельский, лапландский, венгерский, остяцкий, вотяцкий, коми, марийский, мордовский; тюркскую, к которой относились: татарский, османский, туркменский, узбекский, таджикский, сарский, башкирский, киргизский, кумыкский, ногайский, алтайский, якутский; монгольскую с языками: бурятским и калмыцким; тунгузскую или манчжурскую.[2]

---

[1] Ленинград, 1926, стр. 3.

[2] Поржезинский.— Введение в языковедение, стр 51—52.

Группа же языков, находящихся на Кавказе, а частью брошенных в гущу индоевропейских, в среду французов и испанцев, как-то: баскский, или же вершикский на Памире, по своей структуре сильно отличающихся от других семейств языков, не могла быть причислена ни к одной из них старыми лингвистами, ввиду малой их изученности, и не находила себе места в классификационной системе индоевропеистики.

Поэтому, когда после длительного исследования Н. Я. Марром так называемых кавказских языков выявился их грамматический строй и было установлено родство их с семитическими, то по аналогии с библейским названием двух существовавших родственных семейств, хамитическим и семитическим, была названа новая группа языков — яфетической. Таким образом самый термин „яфетический" чисто формален и условен и обращаться с ним надо очень осторожно, тем более, что в настоящее время он раздвоился в своем понимании на название группы кавказских языков с баскским и вершикским — с одной стороны, а с другой — на название определенной стадии языкового развития, предшествующей стадии современных индоевропейских языков.

Кроме того само новое учение об языке разделяется сейчас на две отдельные дисциплины: на яфетическое языкознание, т. е. учение об особой системе или группе так называемых яфетических языков, по сравнению с другими языковыми системами, и общее учение об языке, которое носит название „яфетидологии" или „яфетической теории", а в настоящее время — материалистической лингвистики, трактующее вопросы о происхождении языка, о его развитии в общем историческом процессе, об установлении типологий и классификации всех языков мира.

В настоящей работе мы будем останавливаться на основных положениях нового учения об языке в широком его понимании.

Всю историю развития яфетидологии грубо можно разделить на два основных этапа: дооктябрьский и послеоктябрьский. Каждый из них в свою очередь может быть разделен на более мелкие периоды, которые характеризуются новыми поворотами и сдвигами в науке об языке. Сам Н. Я. Марр насчитывал пять таких периодов до 1923 г., но в настоящее время некоторыми марксистами-лингвистами (т. Аптекарь) усматривается не без основания 7 этапов, пройденных яфетидологией.

Первый основной дооктябрьский этап может быть охарактеризован, как кавказоведческий или чисто яфетический, так как на этом этапе весь интерес сосредоточивался на яфетических языках Кавказа и некоторых изолированных живых: баскском и вершикском, и мертвых: этрусском в Италии, эламском и халдском в М. Азии и Иране и шумерском, в Месопотамии, которые представляли собою единую особую систему, или, как тогда еще называл Н. Я. Марр, единую семью языков—яфетическую. В этот период оформилось так называемое яфетическое языкознание, т. е. учение об особой группе языков, отличающихся по своей

структуре от существовавших до сих пор групп или семей языков в индоевропейской теории.

Основные принципы, на которых базировалось тогда яфетическое языкознание, а также метод его — сравнительно-исторический, были почти целиком взяты от старого индоевропейского учения об языке. Но уже тогда намечались и пути расхождения, как в объеме языковых материалов, привлеченных для изучения, так и в самом подходе к языкам без строго ограниченных национальных рамок и без предпочтения только письменным языкам.

Октябрьская революция, давшая возможность свободного самоопределения и развития многочисленным национальностям СССР и порвавшая буржуазно-националистические устои, оказала громадное влияние на яфетидологию. Она поставила последнюю перед проблемой изучения тех бесписьменных языков, которые раньше игнорировались индоевропейским языкознанием, и определения их места в системе языков, вследствие чего вывела яфетидологию из рамок кавказоведческой науки, направив ее на путь общего учения о языке. Октябрьский переворот помог найти новому учению и правильный общественно-материалистический подход к языку, в результате выковался и новый метод, так называемый палеонтологический Но в первом и во втором этапе мы различаем несколько ступеней, по которым шла яфетидология и которые отразились в трудах Марра. К более детальному рассмотрению этих ступеней развития нового учения мы и перейдем.

Характерным признаком первой ступени, длившейся приблизительно с 1888 г. по 1908 г., является углубленное исследование письменного грузинского языка и установление его родства с семитическими, главным образом с арабским, на основе еще сравнительного метода индоевропеистики. Началом такого исследования, а следовательно и происхождения самой яфетидологии, нужно считать 1888 г., когда в грузинской газете „Иверия“ (№ 86), под заглавием „Природа и особенности грузинского языка“, появилась статья академика Марра, тогда бывшего студентом Ленинградского Университета, трактующая вопрос о родстве грузинского языка с семитическими.

В тогдашней научной литературе существовали различные мнения по поводу природы грузинского языка. Одни ученые, как например представитель индоевропейского языкознания Ф. Бопп, причислял его к индоевропейской семье языков, другие — Фр. Мюллер — утверждал, что грузинский язык не имеет родства ни с каким известным семейством языков, но дальше это положение он не развивал, и, наконец, Клапрот и Цагарелли мыслили о принадлежности его к особой группе языков. Научно же разрешить проблему в отношении грузинского языка никто не мог, и потому она обходилась молчанием со стороны индоевропейского языкознания.

Высказанное положение в грузинской газете в 1888 г. продолжало развиваться Н. Я. Марром, пока не оформилось в 1908 г. в его труде „Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского с семитическими“ [1]. Это утверждение Н. Я. Марром обосновывалось на целом ряде сходных явлений в грузинском и арабском языках, как в области фонетики (система основных трех гласных, развитие гортанных звуков, перебои зубных в гортанные), так и морфологии (развитая префиксальность, трехсогласность корней), и главным образом в системе спряжения глаголов, которое в арабском языке могло быть объяснено только с помощью грузинского языка, тогда как ранее оно вызывало недоумение лингвистов, будучи совершенно отлично от спряжения глаголов в индоевропейских языках. Формулированное положение сохраняет свою значимость и по настоящее время. Тогда же возник термин „яфетический“ по аналогии с существовавшими названиями языковых семей „хамитической“ и „семитической“, которым был назван грузинский язык с ближайшими родственными мегрельским, чанским, сванским языком; причем Н. Я. Марр предполагал тогда, что эти три семьи являются ветвями одной ноэтической семьи, лежащей в их основе.

Попутно с сравнительным изучением арабского и грузинского, Н. Я. Марр начал изучать литературный армянский язык средневековья, причем участвовал в раскопках развалин средневекового города Ани в Армении. Изучение с одной стороны классического письменного армянского языка и исследование древнейшей грузинской рукописи от 864 г. в монастыре на Синае, куда был командирован Н. Я. Марр, а с другой стороны общение с армянским народом и живой речью, как армян, так и грузин, выявило удивительные факты, которые дали толчок к новому направлению яфетидологии. Н. Я. Марром было выявлено, что как в материальную культуру, так и в богатую армяно-грузинскую литературу были привнесены совершенно чуждые, казалось, элементы мусульманского происхождения, которые были восприняты грузинским народом, как родные — христианские; таким образом получалось, что в одном национальном, как считалось раньше, творчестве Грузии и Армении участвовали в полной мере и другие народности, и что поэтому не существует монолитной национальной культуры, как это было признано старой наукой. Отсюда, естественно, развился взгляд и на отрицание национальной чистоты к. н. языка и признание смешанности языков.

Другим не менее поразительным фактом явилось открытие того, что в современном грузинском, живом, народном языке сохранились наиболее древние формы речи, тогда как прежняя

[1] СПБ 1903 г., помещена в П. Э. Р., стр. 7—30.

Этот взгляд Н. Я. Марра нашел свое отражение в его труде — „Кавказ и памятники духовной культуры“ (И. А. Н. 1912) и затем в целой серии его работ под названием „Яфетические элементы в языке Армении“ (И. А. Н. 1911, 1914, 1916).

лингвистика признавала наибольшую архаичность речи в сохранившихся письменных памятниках в соответствии с их хронологизацией. Все это заставило Н. Я. Марра не ограничиваться изучением только письменных армянского и грузинского языков, а вовлечь в свое исследование не только окружающие бесписьменные языки — мегрельский, чанский, сванский, но и абхазский, и далее — дагестанские языки. Этот переход к новой фазе развития яфетидологии выявлен в работе Н. Я. Марра под заглавием „Кавказоведение и абхазский язык“[1] и затем развивался в его последующих работах: „К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических“,[2] „Яфетическое происхождение абхазских терминов родства“,[3] „Абхазское происхождение грузинского термина родства „bĭda“ — дядя“.[4]

На этой второй ступени развития яфетидологии начинается широкое привлечение большого круга бесписьменных языков не только южного Кавказа, но и восточного (Дагестан и Чечня), и западного (Абхазия). Результаты исследовательской работы в этой области были формулированы в работе Н. Я. Марра: „Непочатый источник истории кавказского мира“ (из третьей лингвистической поездки в Дагестан),[5] в которой указывается на родство лезгинских языков с абхазским, до тех пор казалось ничего общего между собою не имеющих. Таким образом в процессе работы были установлены взаимоотношения между языками южного и частью северного Кавказа и, кроме того, было уже поколеблено ранее существовавшее мнение о полной обособленности этих 2 групп языков (Фр. Мюллер). В то же время состав так называемых яфетических языков так разросся, что он больше не мог умещаться в рамках лишь одной ветви, и потому Н. Я. Марр начал выдвигать новое положение о выделении всех яфетических языков в особую группу или, как тогда он еще называл, отдельную семью языков — яфетическую,— по аналогии с существовавшей уже в старом языкознании индоевропейской семьей языков.

На этом этапе развития исследование идет не только по пути внешнего оформления и установления связи новой языковой группы, но оно проводится и внутри самих яфетических языков. Устанавливаются взаимоотношения между языками внутри яфетической группы или „семьи“ на основе фонетических, т. е. звуковых, соответствий. В таком делении еще сказалось влияние старой индоевропейской лингвистики, которая при сравнительном изучении языков опиралась, главным образом, на их звуковые законы и соответствия.

---

1 Ж. М. Н. П.— 1916 г.
2 М. Я. Я. — V, 1912 г.
3 И. А. Н. — 1912 г.
4 И. А. Н. — 1914 г.
5 И. А. Н. — 1917 г.

По фонетическим же признакам все яфетические языки были разделены на две большие ветви: сибилянтную и спирантную.

Термины эти латинского происхождения и означают в переводе: „sibĭlo[1]“—свистеть, шипеть, „aspĭro“—дуть, веять, говорить с придыханием. Они условно применены Н. Я. Марром и первый означает звуки свистяще-шипящие или сибилянты, как например: с-з-ш-ж или по транскрипции Марра: s-z-ш-j,[1] а второй—звуки придыхательные, разделяющиеся по терминологии Марра на: нёбные -h-γ и гортанные—γ-у[2]; в русском языке из основных спирантов имеются только два: задне-твердо-нёбный „х“ и средне-твердо-нёбный—„йот“, остальные два спиранта—парный, звонкий для „х“ встречается в картавом произношении французского звука „р“ и изображается греческой буквой—гаммой (γ), а гортанный, который встречается в арабском и черкесском языках, изображается арабской буквой—гамзой (γ) и характеризуется с точки зрения физиолого-акустической проф. Яковлевым, как гортанный междусвязочный звук.

Взаимоотношения между сибилянтной и спирантной ветвью таковы, что в одних и тех же словах первая обнаруживает свистяще-шипящие звуки или сибилянты, а вторая—придыхательные спиранты,—как например: если в грузинском языке, относящемся к сибилянтной ветви, имеем в начале слова сибилянт, то в языке спирантной ветви должен быть на этом месте спирант в однозначном слове. Например грузинское слово „sam-i“ (собственно ṡam-i) три—будет иметь в абхазском в начале слова спирант и соответствующую огласовку на „ə“[3] с подъемом конечного губного, что даст нам: „q̇əφ̇a (х'эпа)—три; по грузински „d̃ma“ (дзма)—брат, по абхазски—„уаш$_1$а“ (йашьа)—брат.

В свою очередь сибилянтная ветвь делится на две группы: свистящую и шипящую. Это значит, что языки первой группы характеризуются бо́льшим количеством свистящих звуков, тогда как в языках второй группы обнаруживается закономерная замена свистящих звуков—шипящими в однозначных словах.

Это положение яфетидологии сохранилось и до настоящего времени. В то же время изучение яфетических языков показало, что ни один из них не сохранил чистоты своего типа, а что в процессе развития каждый язык постоянно скрещивался или смешивался с другими языками, в результате чего, например, грузинский язык, как представитель свистящей группы сибилянтной ветви, оказывается, сохраняет некоторые признаки спирант-

---

[1] Ввиду отсутствия в типографии знака для краткости гласной он заменен знаком птички над гласным. Звук ж в яфетид. транскр. передается французским j без точки, но при отсутствии такового в типографии он передается просто через франц. j; кроме того надо помнить, что терминология Н. Я. Марра условна и часто не соответствует принятой в лингвистике терминологии, о чем речь будет ниже.

[2] Ввиду отсутствия знака для арабской гамзы, она передается через греческое γ.

[3] Звук между i и ы условно обознач. мною в русск. транскрипции через ə.

ной ветви, причем признаки первой группы все-таки преобладают и потому он относится к сибилянтным языкам. Исследование же абхазского языка показало, что в нем скрещиваются равномерно как признаки спирантной ветви, так и признаки свистящей группы, ввиду чего получается смешанный или так называемый гибридный тип языка: спирантно-свистящий. Таким же гибридным, но уже спирантно-шипящим, языком оказался при близком изучении и сванский язык.

В этот период определился и особый подход к армянскому языку, который тогда причислялся в науке к индоевропейской семье языков. Н. Я. Марром было установлено параллельное существование двух классовых языков: одного древне-литературного языка, на котором говорило высшее сословие феодалов и князей, так называемого хайского,— от национального названия армян (хайк — hayk), и другого — народного, называемого армянским. Эти оба языка оказались тоже смешанными по своей природе, при чем их гибридность считалась Н. Я. Марром гибридностью яфетическо-индоевропейского характера и объяснялась тогда им приходом индоевропейцев на территорию Армении и следствием смешения их языка с языком обитавших там туземцев. Смешанная яфетическо-индоевропейская природа армянского языка, и в связи с этим вопрос о переселении индоевропейцев на Кавказ, исследуется в целой серии работ Н. Я. Марром, посвященных как изучению формальной стороны армянского языка, так и началу изучения семантики его, т. е. значения слов, которое впоследствии составляет одну из важнейших сторон яфетидологии. Такими работами, намечающими новые пути исследования языков, являются следующие: „Яфетическое происхождение армянского слова „margarey“ — пророк,[1] „Яфетическое происхождение хайского „beran“ — рот“[2] и ряд других, помещенных под общим заглавием „Яфетические элементы в языках Армении“[3].

Установление гибридности армянского языка поставило вопрос об изучении тех элементов, из которых он состоял до прихода индоевропейцев сюда, а следовательно возник и вопрос о прежних народностях, населявших Армению. Для этого в сферу исследования были привлечены древнейшие клинописные языки, существовавшие раньше как в пределах самой Армении, так и близких к ней территорий, чем и определилась третья ступень развития яфетидологии.

Началом этого периода нужно считать работу Н. Я. Марра: „Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания“,[4] в которой исследуется язык халдов (IX—VIII в. до н. э.), ранее населявших Армению и оставивших после себя наследие звит

[1] И. А. Н. — 1909 г.
[2] И. А. Н. — 1910 г.
[3] И. А. Н. — 1911—1919 г.
[4] З. В. О. — 1914 г.

клинописи на камнях и скалах. Кроме халдского, к исследованию были привлечены и другие древние клинописные языки: эламский (на Иране VI в. до н. э.) и существовавший в Месопотамии шумерский язык (за 5 тыс. лет до н. э). Все упомянутые языки никак не могли быть определены в индоевропейской лингвистике и стояли обособленно от существовавших семей.

Изучение структуры халдского языка, которому посвящено много работ Н. Я. Марра, наиболее полной из которых является его итоговая работа „Надпись Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале“ (1922), дало возможность определить его, как яфетический по морфологическому и лексическому составу. Шумерский и эламский языки тоже были отнесены к яфетической семье языков, причем все упомянутые языки обнаружили свою гибридность. Исследованию шумерского языка посвящены работы Н. Я. Марра, начиная с 1921 г.: „О яфетическом происхождении шумерского „tamdam“ и кончая 1927 г. „Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи: „пить — вода“.[1]

В результате исследования клинописных языков, которые по своей структуре оказались яфетическими, выяснилось и вновь подтвердилось то положение, что древнейшие формы языка нужно искать не в древних памятниках литературы и письменности, а в сохранившихся живых народных языках. Так, по сравнению с исследованными клинописными языками, современный живой грузинский язык сохранил наиболее архаичные формы и строй речи.

Определение дотоле невыясненных наукой клинописных языков дало повод к продолжению изысканий не только в среде яфетического Кавказа, но и за пределами его, тех изолированных языков, которые не находили себе места в классификационой системе индоевропеистики. С этого момента яфетидология перестает быть кавказоведной наукой и вступает в 4 фазу своего развития, называемую Н. Я. Марром „протоисторической“.

Эта 4-я ступень развития яфетидологии характеризуется привлечением в круг исследования изолированных языков на Кавказе, живого баскского на Пиренеях, вершикского на Памире и мертвого этрусского в Италии.

Баскским и этрусским языками Н. Я. Марр занимался, будучи еще студентом. В целом ряде работ, посвященных баскскому языку, начиная с 1920 г.—„Об яфетическом происхождении баскского языка [2], „Из поездки к европейским яфетидам“, [3] „De L'origine japhétique du basque“ [4] и кончая „Из пиренейской Гурии“[5] —приводятся факты как со стороны морфологии, так лексики и семантики, роднящие этот язык с яфетическими языками Кав-

[1] Д. А. Н. — 1927.
[2] И. А. Н. — 1920.
[3] Я. С. — III, 1925.
[4] И. Л. Я. З. В. — 1926.
[5] И. К. И. А. И. — 1928.

каза. Причем баскский язык определился, как гибридный — спирантно-шипящий преставитель, сильно скрещенный тип речи не только языков примитивов, но высоко-развитых, как например иберского и этрусского. Кроме того баскский язык оказался связанным с армянским.

Соседние народы называют армян сомехи — „so“-me-q̇“, что по разъяснению палеонтологии речи означает скрещенное слово, где второй элемент „me“ является сокращенной экающей формой от „bas“, а третий элемент — q̇ — усеченная форма „qon“ или „йон“, что мы имеем в термине „бас-к“,[1] т. е. в состав армянского языка входят в качестве его образующих элементов ионский (древне-эллинский) и берский или баскский. В настоящее время баскский язык оказался нарушенным в чистоте своего яфетического типа, усвоив уже многие черты индоевропейского типа языков.

Наравне с баскским шло изучение и мертвого этрусского языка. Уже в первой работе — „К вопросу о происхождении племенных названий „этруски“ и „пеласги“[2] — выясняется тожество этих терминов, имеющих одну и ту же основу: rus ‖ las, тогда как раньше ученые считали этрусков и пеласгов двумя разными, но родственными народами.

В работе Н. Я. Марра — „Предварительный отчет по командировке в пределы древней Этрурии и Баскию“,[3] устанавливаются связи этрусского языка с баскским, которые сами себя называют этрусками, а через них и с яфетическими языками Кавказа — в первую очередь с армянским. Сам этрусский язык был определен, как яфетический, так как лишь с помощью яфетических языков Кавказа удалось установить его строй и прочитать сохранившиеся надписи, относящиеся к IX веку до н. э.

Таким же яфетическим языком оказался и вершикский или буришкский язык на Памире, открытый исследователем Зарубиным в 1916 г. Далее исследование продолжалось вглубь по пути уяснения не определенных наукой некоторых элементов изученных языков, как-то: албанского, греческого, римского и германского языков. Этому вопросу посвящены работы: „К вопросу об яфетидизмах в германских языках“,[4] „К вопросу об яфетидизмах в албанском“,[5] Петров Д. М. — „Темные вопросы романистики“.[6] Названия населенных пунктов, морей, рек, гор, равно богов в греческом языке, оказались яфетическими. Постепенно вскрылась картина, что все протяжение от Пиренеев до Каспийского моря, по всей видимости, и далее на восток, по крайней мере до Па-

[1] Марр. - Скифский язык. П. Э. Р., стр. 358 — 9.
[2] З. В. О. - 1911.
[3] И. А. Н.- 1921.
[4] Я. С.— I, 1922.
[5] Я. С.— I, 1922.
[6] Я. С.— IV, 1926.

мира, вся Европа была населена яфетидами“.[1] В такой широкой постановке вопроса не могла быть обойдена и скифская проблема, как дающая ключ к разъяснению современного русского языка, которая и была впервые затронута в работе Н. Я. Марра—“Термин „скиф“,[2] затем развита в последующих трудах—„Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении“,[3] „Скифский язык“.[4] В этих работах устанавливается связь по названию скифов или, что то же, сколотов—с одной стороны с территорией Армении, где обитало скифское племя „сак“, а с другой стороны—по тожеству легенд о построении национального города Киева или Куйаба у русских и Куара у армян. Но в то же время эта связь распространяется и на юг в Грецию, и на запад к финнам, и в среднюю Азию к туркам, отражаясь в названии такого металла, как золото, которое являлось племенным названием и у скифов звучало как „skol-o-ton“ (русское золото), у финнов „kul-ta“ (нем. „gold“) и у турок „al-tun“. Объединяющей работой 4-го периода является доклад—„Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры“.[5]

Исследования учеными памятников материальной культуры Средиземноморья показали наличие в них элементов, чуждых арийскому или семитическому творчеству. Впервые это было отмечено В. В. Стасовым в отношении „Одной бронзовой фигурки птицы с человеческой головой и руками, найденной в Ване“ и происхождение которой не могло быть объяснено с точки зрения только арийского или семитического творчества. Он сделал заключение, что эта фигурка—произведение искусства какой-то другой расы, но не мог определить какой.

Определение этого неизвестного элемента в создании средиземноморской культуры было дано Н. Я. Марром в его работе—„Яфетический Кавказ“, и он был назван яфетическим, т. е. принадлежащим народностям, которые объединялись тогда Н. Я. Марром по своему языку в одну яфетическую семью. Этот третий этнический элемент рассматривался тогда, как особый сложившийся этнический слой, отличный от арийского и семитического, которые позднее наложили свой отпечаток на всю средиземноморскую культуру.

Так как территория нахождения яфетических языков очень расширилась и удалилась от Кавказа, то естественно встал вопрос и о нахождении их прародины и праязыка. Этот генетический вопрос решался тогда Н. Я. Марром еще под влиянием старых воззрений индоевропеистики, объясняющей появление новых чуждых языков переселением одного народа с уже готовой язы-

---

[1] Марр.—„Основные достижения яфетической теории“. П. Э. Р. Стр. 265.
[2] Я. С.—I. 1922.
[3] И. А. И. М. К.—III, 1924.
[4] П. Э. Р.—1926.
[5] М. Я. Я.—XI, 1920, помещ. в П. Э. Ф.

ковой формацией на территорию другого. Таким образом наличие басков-яфетидов на Пиренеях объяснялось в то время Н. Я. Марром передвижением яфетидов с Кавказа—из Армении — на запад двумя путями: морем через Балканский и Апеннинский полуострова и сухим путем от Вана через Кавказский хребет и на юг России. В то же время, на основе изучения как яфетических, так и неяфетических языков, выявился новый методологический подход к языкам, как к скрещенным типам, а не единым формациям, причем фактор скрещения признавался одним из основных факторов развития всех языков.[1] Признавание скрещенья в языках должно было отразиться и на самом подходе и анализе языков. Язык должен был рассматриваться не только как единая национальная формация с точки зрения ее статического состояния в настоящее время, как это делала индоевропеистика, но как комплекс разнородных стадий, пройденных им на пути его развития. Исследование языка надо было вести не только в горизонтальной плоскости, но и в вертикальной, т. е. в области древнейших стадий, отложившихся в языке. Моментом такого углубленного палеонтологического анализа языков и характеризуется пятая ступень развития яфетидологии.

На данной ступени ведется углубленное исследование и сравнение как внутри самих яфетических языков, которые „сохранили наиболее осязуемо материалы изжитых этапов человеческой речи“, так и сопоставление яфетических языков с языками семитическими и индоевропейскими. Такое исследование показало, что сами яфетические языки не являются одинаковыми по своей типологии, а среди них есть более и менее развитые, причем обнаружилась известная преемственность этих типологий или стадий. С формальной стороны эти типологии характеризовались, начиная с более примитивной, как: аморфная, агглютинативная и флективная. Причем собственно-яфетические языки сохранили большей частью агглютинативный строй речи, тогда как индоевропейские языки достигли уже флективного строя. Каждый такой строй характеризовался совокупностью признаков, которые Н. Я. Марр называет суммой координатов.

Аморфный или синтетический строй языков характеризуется отсутствием формальных элементов в словах, почему он и называется аморфным, и потому одно и то же слово, взятое в изоляции, может быть и именем, и глаголом и прилагательным. Функция слова, как части речи, определяется только местом его расположения в предложении. Так, например, в китайском языке, который принадлежит к аморфной типологии, слово „xào“— означает добрый, и доброта, и быть добрым в отвлечении его от контекста. Но если оно взято в контексте, т. е. в связной речи, то

[1] Этот момент механистичности яфетидологии существует в некоторых положениях Н. Я. Марра и до настоящ. врем. и с трудом преодолевается им в последних работах.

оно будет значить разное в зависимости от того, где будет стоять. Если оно будет находиться перед другим словом, например, в предложении: „хào жэнь ю“, где „жэнь“ означает — человек, а „ю“ — есть, то „хào“ явится прилагательным „добрый“, и все предложение переведется так: добрый человек есть — имеется, или: добрые люди имеются. Но если мы скажем: „жэнь хào ю“, то это будет значить: человеческая доброта имеется. „Хао“ здесь будет не прилагательным, а именем существительным. К типу таких аморфных языков принадлежит китайский, отчасти адыгейский, южно-африканские, абхазский.

Агглютинативный или агглютинирующий тип языка от латинского слова „gluten“ — клей, „glutinare“ — склеивать, характеризуется тем, что формы слов образуются посредством прилепных частиц-аффиксов, которые по существу являлись самостоятельными словами, утратившими в настоящее время собственное значение. Яркими примерами агглютинирующего типа являются турецкий язык и японский. В последнем слово „uti“ (ути) означает — дом. Чтобы получить исходный падеж этого слова во множественном числе в русском языке, мы должны прибавить предлог „из“ и окончание „ов“: из домов. По японски мы присоединяем суффикс „домо“, что означает теперь множественное число, а раньше по палеонтологии речи: товарищ, вместе, много, и суффикс „кара“, означающий теперь наш русский предлог, а в японском послеслог: „из-от“, а прежде: бок, сторона; тогда мы получим предложение: „uti-domo-kara“ — (ути-домо-кара), что значит: из домов. Формальные элементы „домо“ и „кара“ легко отделимы и не влияют на изменение самой основы, которая, наоборот, может оказать влияние на них, как, например, в тюркских языках, как сингармонирующих, где от твердости гласной в основе зависит и твердость гласной в суффиксе.

Во флективных языках функция слова, как части речи, выражается только формальными элементами как суффиксального, так и префиксального образования, при чем, при словоизменении (склонении или спряжении) изменяется не только форматив, т. е. окончание, но и самая основа. В таком типе языков суффикс тесно связан с основой и оказывает на нее влияние, а не обратно. Например, в слове „мука“, — „к“ — твердый звук, т. к. суффикс „а“, выражающий именительный падеж в данном случае, является твердым гласными задкего ряда. Данное слово в дательном падеже будет — „муке“, — где звук „к“ в основе будет мягким — „к̦“ (мягкость изображается черточкой внизу), под влиянием мягкого гласного „е“ в суффиксе. Изменение основы особенно ясно в глаголах флективных языков, как например в русском: пис-ать — пиш-у — пис-ал; в немецком: Schreib-en - Schreib-e — Schrieb, но в агглютинирующем японском языке мы имеем: kak-u — kak-i — kak-i-ta, т. е. основа „kak“ остается без изменения.

Сравнительное изучение языков ведется Н. Я. Марром не только в области установления последовательности их формаль-

ных типологий, но оно начинает углубляться в самое содержание языка—в сторону значений слов, т. е. семантики, которая с этого момента начинает завоевывать себе главное место в изучении языков. „Особенно ярко наблюдается пропасть, отделяющая те доисторические времена от исторических эпох, в значимости слов или семантике"—пишет Н. Я. Марр в 1922 году в работе „Яфетиды".

Установление стадиальности в развитии речи, при которой яфетические языки являются лишь определенной ступенью в общем процессе созидания речи и создало необходимость разделить яфетическое языкознание на 2 дисциплины: одна — общее учение об языке, т. н. яфетическая теория,— о его происхождении, развитии и т. д., а другая — учение о собственно яфетической „семье" языков — яфетическое языкознание.

Хотя применение термина „семья" в этот период развития яфетидологии и говорит еще за влияние индоевропейской лингвистики на Н. Я. Марра, основывающей деление языков по признакам родства и неучете их стадиального развития, но в то же время обнаруживается совершенно новый подход к языкам, как к созданию общественности, а не индивидуальному творчеству одного какого-нибудь народа или нации, как это мыслилось раньше. В данный период уже намечается социологический подход к языку, которым характеризуется 6-я ступень развития яфетидологии. Уже в работе „Яфетиды"[1]— Н. Я. Марр особенно важным считает тот факт, что „в явлениях языка закономерно отражается общественность с ее психологией различных эпох, в том числе и древнейших", и дальше: „таким образом язык определяется, как создание общественности, плод человеческого творчества".

В этом понимании языка, как социального фактора, намечается уже большой отрыв от старой языковедной науки, рассматривающей языковые явления вне связи их с процессом развития общества. Окончательное сформление материалистического взгляда на язык мы находим в работе Н. Я. Марра от 1923 г.—„Индоевропейские языки Средиземноморья",[2] которая и характеризует начало следующей 6-й ступени развития нового учения об языке.

В этой работе Н. Я. Марр порывает с основами старого языкознания, утверждая то новое положение, что индоевропейская семья языков является не расово-отличной семьей, а что она представляет собою более высокую стадию или типологию в развитии языка. Следовательно отпадает вопрос о миграции индоевропейских языков из Азии и вообще миграции каких-то народов с законченной языковой формацией.— „Индоевропейские языки Средиземноморья никогда и ни откуда не являлись ни с каким особым языковым материалом, который шел бы из какой-либо

---

[1] Марр.— „Яфетиды". П. Э. Р., стр. 114.
[2] Там же, стр. 115.

расовой особой семьи языков или, тем менее, восходил к какому-либо расовому особому праязыку", говорит Марр в этой работе.

То же самое и языки агглютинативного строя развились из языков аморфно-синтетических, а последние из еще более примитивных по своему строю языков. Таким образом в развитии языка намечается целая цепь неразрывно связанных пройденных им ступеней или стадий, которые, в свою очередь, через ряд промежуточных звеньев зависят от социально-экономических факторов. Но так же, как возникновение новых общественных явлений зависит в конечном счете от сдвигов в производстве, так и возникновение новых языковых типологий можно объяснить с помощью перемены в производстве. Поэтому образование индоевропейских языков флективной типологии связывается Н. Я. Марром с открытием и использованием металлов в хозяйстве, давших толчок к изменению социальных отношений в обществе.

Этот материалистический взгляд на природу языка углубляется в дальнейших работах Н. Я. Марра, причем развитие языка мыслится уже не как эволюционный переход из одной стадии в другую, а как революционные сдвиги-взрывы, которые открывают „новые пути, по которым постепенно налаживается сложение нового типа и развитие, и на этих же путях зарождается расхождение, возникновение антитезы рядом с тезисом, дающее в итоге борьбы новое разрешение в революционном сдвиге на следующей узловой стоянке".[1]

Понятие развития языка, как единого процесса языкотворчества, должно было изменить взгляд на существование отдельных языковых семей. Термин „семья" заменяется термином „система", а самое название „индоевропейский" заменяется по аналогии термином „прометеидский", который мифологически связан с именем греческого героя — похитителя огня с неба — Прометеем, а материалистически — с новой эпохой хозяйственного развития народа на основе использования такого орудия производства, как огонь. С другой стороны отпадают первоначальные определения гибридных армянского и албанского языков, как языков яфетидо-индоевропейского типа, а они причисляются к языкам переходного типа от яфетических к прометеидским.

В этот период исследование идет по двум путям: с одной стороны захватываются в круг изучения все большее количество языков, с другой стороны углубляется изыскание в области палеонтологии речи, а с этим вместе встает вопрос и о происхождении самого языка. Из новых не исследованных языков привлекается чувашский,[2] который определяется, как скрещенный свистяще-шипящий язык с формальной стороны, а со стороны семантики у него оказываются близкие связи с яфетическими языками Кавказа, что дает право причислить его к яфетической системе языков.

---

[1] Марр. —„Яфетическая теория", 1928 г., стр. 77.
[2] Марр.— „Чуваши — яфетиды на Волге". 1926 г.

Семантическая же сторона кладется в основу при изучении и других языков, как например языка американских[1] индейцев и дальневосточных; особенное внимание уделяется семантике китайского языка, как сохранившего во многом архаизмы речи, причем к изучению семантики требуется уже палеонтологический подход, как это видно из следующих работ: „Китайский язык и палеонтология речи“,[2] „Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи“,[3] „Яфетическая теория и семантика китайского языка“[4].

С другой стороны, вопрос генезиса языка и глоттогонии речи считается неотъемлемой частью нового учения об языке, начиная с работы „К происхождению языков“ (1925), „О происхождении языка“ (1926), а затем он был развит дальше в „Яфетической теории“ в 1928 г., в статье „О числительных“ (1928 г.). Во всех этих работах язык трактуется, как плод сознательного творчества челевеческого коллектива, причем само происхождение звукового языка связывается с моментом коллективного производства. При пользовании естественными орудиями труда, человеческое общество использует и наиболее примитивный линейный или ручной язык, и только под влиянием развития искусственных орудий и техники труда оно переходит на звуковую речь.

Наука об языке начала увязываться и с другими общественными дисциплинами — в первую очередь с историей материальной культуры. Происхождение лингвистических терминов, как-то — названий орудий труда: камень — топор, а также средств передвижения, как-то: олень — собака — лошадь, а вскоре с ними: сани — телега — колесница — находит свое оправдание в фактах общественно-хозяйственного уклада тогдашнего общества.[5] Таким образом новое учение об языке начинает объяснять языковые факты, выходя из пределов самой лингвистики, что значительно подкрепляет и обосновывает высказываемые положения. В этот период устанавливается взгляд на необходимость изучения и исследования языковых явлений с привлечением материалов из других обществоведческих наук; с другой стороны, ставится проблема о привлечении лингвистических данных, добытых яфетидологией, при изучении истории материальной культуры, археологии, искусства, литературы и т. д. Проводится совместная увязка в работе над языком и ранее, казалось, разобщенными обществоведческими дисциплинами. В результате такой увязки появляются работы: И. Мещанинова — „Ионизмы в халдском“,[6]

---

[1] „Происхождение американского человека и яфетическое языкознание“. В. С. 1926 г.

[2] Д. А. Н.—1926.

[3] Д. А. Н.— 1927.

[4] Д. А. Н.—1926.

[5] Марр.— „Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории“. 1926.

[6] Я. С. III, 1925.

„О доисторическом переселении народов“,[1] В. Струве — „Лошади в мистериях Осириса“,[2] И. Г. Франк-Каменецкий — „Вода и огонь в библейской поэзии“,[3] Н. Ф. Яковлев — „Термины „мать — отец“, „сестра — брат“ в сев.-кавк. яфетических языках“,[4] Н. Я. Марр — „Право собственности по сигнализации языка“[5] и др.

Постепенно, шаг за шагом, Н. Я. Марр, на основании лингвистических фактов, приходил не только к материалистическому, но и марксистскому взгляду на язык. 6-й период развития яфетидологии как-раз является переходным моментом к новому окончательному повороту в сторону не стихийного, а вполне сознательного применения марксистского метода к языку. Этот перелом начинается в работах Марра, относящихся к 26-27 году. Так, например, в статье „Происхождение американского человека и яфетическое языкознание“ Н. Я. Марр сам признает свои ошибки предшествующего периода, когда он был „во власти одностороннего увлечения теориею скрещения“ (стр. 169), т. е. когда развитие языка объяснялось им с помощью только внешних факторов воздействия, а не внутреннего диалектического процесса. Уже в дальнейшей своей работе „Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком“ Н. Я. Марр становится на правильный марксистский путь понимания диалектического развития языка, когда он говорит, что „слова созидались не на пустом месте в путях отвлеченного мышления, хотя бы в увязке с общественностью и ее материальными предпосылками и ее мировоззрением, а в постепенно протекавшем расхождении с кинетической речью“ (подчеркнуто мною. Т. А.), причем язык понимается уже как создание не только племенной, но классовой общественности, так как „не существует национального, общенационального языка, а есть классовый язык, и языки одного и того же класса различных стран при идентичности социальной структуры выявляют больше типологического сродства друг с другом, чем языки различных классов одной и той же страны, одной и той же нации“ (там же, стр. 33).

Совершенно правильно разрешается Н. Я. Марром вопрос об окончательном переходе яфетидологии к марксистской лингвистике только при условии, во-первых, перестройки научного и общественного мышления яфетидологов, без которого невозможно восприятие и продолжение нового учения об языке, а во-вторых, — привлечения и совместной работы с социологами-марксистами. Последнее условие является обязательным для того, чтобы превратить материалистическую лингвистику в марксистскую.

Уже в 1927 г. начинает проявляться интерес к яфетидологии у марксистов, выразившийся в целом ряде докладов по вопро-

[1] С. К. А., № 29.
[2] Я. С. III, 1925.
[3] Я. С. III, 1925.
[4] Ученые записки Н.-И. Ин-та — Народы Востока. т. I.
[5] Сборник „На боевом посту“. 1930.

сам связи яфетической теории с марксизмом. Одним из наиболее обширных докладов является доклад С. И. Ковалева, сделанный им в Яфетическом Ин-те в 1927 г. под заглавием „Марксизм и яфетическая теория". На такую же тему был сделан доклад и профессором Мещаниновым в Азербайджане в 1929 г. С 1927 года пополняются ряды яфетидологов марксистами-лингвистами; в 1927 г. молодым лингвистом-марксистом тов. Аптекарем был прочитан доклад на тему: „Яфетическая теория ак. Марра и исторический материализм". В дальнейшем тов. Аптекарь работает над методологическими проблемами нового учения об языке и освещения истории развития самой яфетидологии с точки зрения марксизма. Основными его работами в этом направлении являются следующие: „В путях развития к марксистской лингвистике",[1] „Шаг вперед — два назад"[2] и „Об яфетидологии к марксистской лингвистике".[3]

В настоящее время в подсекции материалистической лингвистики группой лингвистов-марксистов ведется исследование и углубленная марксистская проработка некоторых положений яфетидологии, требующих пересмотра. Таким образом, оформляется последний 7-й этап развития яфетидологии, который можно характеризовать, как этап построения марксистской лингвистики, когда ученые исследователи не стихийно подходят к марксизму на основании только имеющегося материала, а обратно, когда ими сознательно применяется марксистский метод — метод диалектического материализма для разъяснения этих материалов. Подход с учетом действительного материалистического понимания языковых явлений характеризует и работы последних лет Н. Я. Марра. Так, в своей книге „Родная речь — могучий рычаг культурного подема" он останавливается на фактах чувашского языка, как-то: самом названии народа, на семантике отвлеченных понятий, как например: время, истина и т. д., а также конкретных понятий: солнце, небо, и на терминах, касающихся средств передвижения. Все эти лингвистические термины вскрывают при их исследовании свою материальную сущность, причем в языке, как и в обществе, обнаруживаются известные напластования — отложения различных социально-производственных группировок, отразившиеся например в национальном названии чувашей, собственно субаров или шумеров, вошедших в состав коллектива, „лишь позднее выступавшего, как племенное образование на крови, когда соответственная группа своей руководящей активностью приобщала все сложное уже образование своему имени",[4] т. е. прежнее понятие племенной общественности в яфетидологии начинает заменяться пониманием классовой общественности. Но та же социально-классовая сущность обнаруживается Н. Я. Мар-

[1] Вестник Ком. Акад., № 25.
[2] Новый восток, № 6
[3] Ученые записки Н.-И. Ин-та Нар. Востока., т. I.
[4] Марр. — „Родная речь — могучий рычаг культурного подъема", стр. 29.

ром не только в словах, но и в формах языка, а именно выявляется в звуковых или фонетических его законах, потому что „звуковые законы не физиологические, а социальные, и, как таковые, они возникли лишь на определенной ступени развития звуковой речи, именно на той ступени развития, когда надстроечный мир, мир отвлеченных представлений и отвлеченных понятий, так оторвался в господствующем классовом сознании от реального материального мира, что их взаимоотношения стали выражаться техникой отвлеченного порядка, сначала символикой суффиксов и префиксов, выработанных из цельных слов и успевших, однако, утратить свое присущее им раньше материальное значение, а затем — символикой отдельных звуков такого же происхождения“ [1].

В другой своей работе „Право собственности по сигнализации языка“ Н. Я. Марр в качестве отправного пункта своих изысканий берет следующие слова Энгельса из его работы „Происхождение семьи, частной собственности и государства“: „Таковы были функции римского рода. За исключением уже совершившегося перехода к отцовскому праву, эти функции суть важное отражение прав и обязанностей ирокезского рода“. Это высказыванье Энгельса всецело подтверждается изысканиями в области языка Н. Я. Марром — главным образом местоимений. Сам термин „собственность“, как в яфетических языках Кавказа — грузинском, возводится к слову „ku-ϑ“ (к'у-т), в полной форме его „ku-ϑun“ (к'у-тун), что означает название тотема, а затем бога: „ǧu-ϑa“; с этим же термином связаны и русские культовые наименования: куд-есник, куть-я. В русском языке название племени скиф-сколот, а также финское „sku-ϑa“ (ск'у-та), увязывается с этим же термином „ku-ϑun“. Следовательно „на начальной ступени стадиального развития не только не было представления о собственности, притом личной, но и какой-либо частично-коллективной. Самый термин „бог“ „мог одновременно означать и тотем производственно-социальной группировки, и все, что принадлежало ему, тотему, — следовательно, всей производственно-социальной группировке. Язык здесь сигнализует подлинный первобытно-коммунистический строй“.[2] Это же исследование подтверждает высказанное положение Энгельса о существовании некогда у римлян бесклассового общества характерного для ирокезов того периода. Само происхождение местоимений связывается с известной уже производственно-социальной дифференциацией, причем в начале было только третье лицо, как показатель общей принадлежности всего коллектива, а затем выделяются первые два лица „сначала классово-колективные, затем индивидуальные, личные или частные“ [3].

---

[1] Там же, стр. 26.
[2] Марр. — „Право собственности по сигнализации языка“, стр. 473.
[3] Там же. стр. 383.

Другое утверждение Энгельса о первенстве матриархата в родовом строе тоже подтверждается фактами языка, когда слово „mâter“ (мать) переходит на слово „pater“ (отец), что представляет по фонетическим нормам яфетической системы лишь позднейшую (с утратой долготы) разновидность слова mâter (*mal-ter)[1].

К трудам этого же периода может быть отнесена статья Н. Я. Марра — „Яфетические зори на украинском хуторе“,[2] где захватывается материал из украинского языка и прослеживается с той же точки зрения материалистического понимания языка. Углубляется палеонтологический анализ основных отдельных слов русских и украинских, как например: „бог“, и связных с ним глаголов: русского — клясться, украинского — божиться; терминов домашних животных: лошади, собаки, свиньи; терминов природы: „вода“ и связанного с ним глагола „пить“, и их материального осмысления, на каждой определенной стадии общественного развития, начиная с тотемистической.

В украинском языке выявляются те же архаизмы речи, которые свойственны яфетической системе языков; в нем обнаруживается вклад различных социальных групп, которые связывают его с одной стороны с русским в области таких терминов, как украинский „річ“, русский „речь“, а с другой строны по линии однозначного термина украинского „мова“ — двухэлементного — из „mo-va“; в подъеме и в полной форме: „bol-var“ || bor-var“ с аканием первого элемента — „bar“ мы находимся в кругу уже не только армянского языка, где „bar“ означает слово, а „barbar“ — язык, но и грузинского „la-par-ak“ — беседа, разговор[3].

---

[1] Там же, стр. 361.
[2] Ученые записки Инст. Нар. Вост.
[3] Там же, стр. 51.

Когда данная работа была уже закончена, в Комакадемии в Москве развернулась дискуссия по вопросам методологии языкознания. Хотя итогов дискуссии едва ли можно скоро ожидать, но несомненно можно сказать, что она принесет большую пользу нашей языковедной материалистической науке в смысле очищения ее от всякого рода неточностей, гипотетичности в некоторых случаях механистичности и недостаточно углубленной марксистской проработки отдельных конкретных вопросов. Те задачи, которые выдвигает группа „Языковедный фронт“ и которые сводятся к увязке науки об языке с современностью, с актуальными потребностями нашего социалистического строительства, нуждами наших школ и методики обучения языку, несомненно найдут самый живой отклик в группе молодых яфетидологов, а также самого Марра, поскольку последний всегда шел против схоластики и оторванности науки об языке от нашей действительности и окончательную победу нового учения видел именно в неразрывной связы теории с практикой. В этом огношении у „яфетидологии“ и „Языковедного фронта“ нет расхождений.

Что же касается критики материалистической лингвистики и признания ее эклектической и механистической теорией, то эта критика была проведена весьма поверхностно, касаясь только отдельных пунктов, а не всей системы в целом, которая все же представляет собою единое материалистическое учение даже по мнению группы „Языковедный фронт“. Отрицая „яфетическую теорию“, как

подлинную марксистскую науку об языке, эта группа не противопоставляет ей свою новую теорию о языке, почему трудно судить о принципиальных и положительных сторонах этого нового течения, поскольку с этой точки зрения оно само может быть названо эклектическим.

Дальнейшая плодотворная работа над языковедными проблемами должна вестись не в плоскости изобретения новых учений, а проработки методом диалектического материализма как буржуазного лингвистического наследства, так и того материалистического учения, которое выросло стихийно (а потому не может быть не лишено ошибок), на основе фактов языка, а „факты — упрямая вещь"— говорил Ленин, и надо не избегать их, а найти правильное марксистское объяснение им. С этой точки зрения яфетидология должна быть подвергнута строгой критике как со стороны самих лингвистов, так и обществоведов, в результате чего только она может перерасти в подлинную марксистскую науку об языке.

Глава III.

Яфетидологическая транскрипция, техника и терминология яфетидологии.

Для того чтобы перейти к изложению основных положений яфетидологии, необходимо сначала усвоить те специальные лингвистические термины и те технические приемы, которыми пользуется последняя. На основе яфетических языков Кавказа Н. Я. Марром выработана особая яфетидологическая транскрипция, отличающаяся от существующих как по своему содержанию, так и по тому принципу, который положен в ее основание. Эта транскрипция была построена на звуках яфетического абхазского языка, отличающихся от звуков прометеидской или индоевропейской системы языков, поэтому для выражения их надо было применять условные знаки или буквы, чтобы изобразить звук, не имевшийся в других языках. Яфетидологическая транскрипция имеет в своей основе латинский алфавит, который пополнен греческими буквами и одной арабской.

Основной принцип этой транскрипции заключается в том, что простой звук должен изображаться простым начертанием (одной буквой), а сложный—составным начертанием, как в системе цифр, где однозначные цифры до 10 имеют однозначную простую цифру, двузначные же состоят из 2 цифр и т. д. В звуках, как в цифрах, имеются простые стержневые, которые, входя в составные звуки, сохраняют свое стержневое начертание с добавлением к нему особого надстрочного или подстрочного значка. Всего таких дополнительных значков например для грузинского языка два: точка (.) и птичка (⌣). Знак точки, будучи поставлен выше строкинад буквой, изображает сложность этого звука; его глухость с одной стороны и свистящую его особенность—с другой; например звук „ц“ в грузинском, как и в русском, сложный, называемый аффрикатой, состоящей из мгновенного „т“ плюс длительный или фрикативный „с“; кроме того от русского „ц“ он отличается тем, что он звук усиленный, по терминологии Марра. В физиолого-акустическом отношении он является смычно-гортанным звуком; проф. Яковлев определяет его как звук с надгортанной экспирацией, потому что характерным признаком для такого рода звуков является то, что источником экспирации (тока воздуха) слу-

жит гортань, а не легкие, как это имеет место при произнесении русского „ц". Стержневым в нем является звук „т", тоже усиленный в грузинском языке, который изображается латинским „t". Для изображения же грузинского „ц" над t ставится точка, которая показывает его сложность, глухость и свистящесть, т.-е. имеем графическое изображение „ṫ", что означает: — усиленный (смычно-гортанный) грузинский звук „ц". В русском языке такого звука нет, поэтому графически я буду изображать все усиленные звуки русскими буквами с запятой' наверху, например: грузинское „ṫ" в русской транскрипции будет „ц'".

Значок птички (⌣), поставленный сверху, означает тоже сложность этого звука: звонкость и свистящесть; так например глухой африкате „ṫ" (ц') соответствует звонкая d̆ (дз) и т. д.

Если те же самые значки стоят под буквой, то они выражают: знак точки (.) — сложность, глухость и шипящесть, знак птички (⌣)—сложность, звонкость и шипящесть, например—то же самое „t", но с точкой внизу, означает усиленную шипящую африкату ṭ (ч')— а „d" с птичкой внизу (d̮) означает звонкую шипящую африкату „дж". Для абхазского языка имеются еще два значка: кружок, который ставится с правой нижней стороны буквы для выражения лабиализованности, т.-е. это значит, что звук произносится с активным выдвижением губ вперед, и черточка (ı), которая ставится в правом нижнем углу буквы и выражает мягкость или палатализованность звука; как например: „ш" с черточкой внизу означает мягкое „шь". Графически оно изображает так: „ш,".

Перейдем к рассмотрению всех звуков грузинского языка в изображении их яфетидологической транскрипцией.

В грузинском 3 основных гласных: „а", „е", „о", причем „е" имеет свой двойник —„ı" (точка над ı не ставится, чтобы не нарушать систему), а „о" имеет двойник „u" (у-рус.); это значит, что при равных условиях в одном и том же слове может появляться „е" или „ı", так же, как „о" или „u", без изменения значения слова; это безразличное колебание 2-х звуков в яфетидологии технически изображается чертой с двумя стрелками на обоих концах,— например: „о ⟷ u", „е ⟷ ı".

Кроме основных сильных гласных имеются слабые: ə ⟷ ы, которые произошли путем редуцирования или ослабления, первый—звука о, а второй — звука u. Эта редукция технически изображается стрелкой вниз и носит название «падение», тогда как стрелка вверх означает усиление или «подъем». Например, ослабление „о" в „ə" (звук между русскими „ы" и „i") можно изобразить графически так: „о ⟶ ə", ослабление или падение „u в „ы"— формулой: „u ⟶ ы", и наоборот подъем, усиление тех же звуков выражается следующим образом: „ə ⟶ о", „ы ⟶ u".

Термины «сильный» и «слабый звук» не означают физиологические их качества, а социальные, т.-е. сильные звуки — это те, которые более устойчивы в данном обществе, они не так легко подвергаются исчезновению или переходу в другие звуки, а слабые выражают явление обратное.

Полугласные „y“ (рус.—„йот“) и „w“ (англ. звук в слове „were“) входят в согласные, так как они часто заменяют собою согласные плавные звуки в яфетических языках.

Система согласных звуков в яфетических языках значительно отличается от системы индоевропейских языков, в частности русского. Во-первых, в яфетическом грузинском языке имеется трехступенность различения согласных звуков, тогда как в русском имеется только парность. Например, в русском мы имеем парные соответствия губных звуков, глухого „p“ (п) к звонкому „b“ (б), а в грузинском языке имеется соответствие 3-х звуков губных: „p -> b -> φ“, причем 3-й звук является придыхательным[1] (в русской транскрипции простое „п“), не встречающимся в большинстве прометеидских языков, почему для изображения его взята греческая буква φ. Во-вторых, следует помнить, что в грузинском первый звук из тройки всегда будет усиленным, почему он будет отличаться в произношении от русского, и, наконец, в-третьих, в яфетических языках имеются такие звуки, которые в русском и др. языках уже исчезли. Попробуем дать сначала физиолого-акустическую характеристику грузинских звуков в их яфетидологической транскрипции. Каждый звук может быть рассмотрен с двух сторон: с точки зрения места артикуляции (произнесения) звука и типа. Под местом подразумеваются те пункты в полости надставной трубы, в которых осуществляется сама артикуляция. Под типом разумеется акустическая сторона звука, которая в основном характеризуется длительностью или мгновенностью его. С точки зрения типа все звуки делятся на: сонорные (носовые), вибранты (раскатистые), спиранты (длительные) мгновенные и африкаты (сложные, состоящие из мгновенного и длительного). Внутри этих категорий (звуков) имеется еще более мелкая дифференциация звуков на: усиленные глухие, звонкие, глухие, глухие придыхательные и т. д.

При физиолого-акустической классификации звуков мы будем придерживаться системы проф. Н. Ф. Яковлева. Каждый грузинский звук в этой таблице мы будем изображать яфетидологической транскрипцией, причем в скобках по мере возможности будем помещать этот звук в русской транскрипции (см. табл.).

В пояснение к таблице надо заметить, что звуки задне-мягконёбные в русском отсутствуют, поэтому передать их по-русски невозможно. Все же для характеристики таких звуков с точкой

---

[1] Эта придыхательность очень слаба и не может сравниваться с придыхательностью греческих или санскритских звуков, почему этот звук в грузинском языке должен изображаться одним начертанием.

Таблица согласных звуков (фонем) грузинского языка в яфетидологической транскрипции.

Место		Сонорные	Вибранты: Глухие	Вибранты: Звонкие	Спиранты: Глухие усил.	Спиранты: Звонкие	Спиранты: Глухие	Мгновенные: Глухие усил.	Мгновенные: Звонкие	Мгновенные: Глухие (придых.)	Аффрикаты: Глухие усил.	Аффрикаты: Звонкие	Аффрикаты: Глухие (придых.)
Губные	Губно-губные	m (м)	—	—	—	—		p (п‘)	b (б)	φ̣ (п)	—	—	—
	Губно-зубные	—	—	—	—	v (в)	—	—	—	—	—	—	—
Зубные	зубно-зубные	n (н)	—		—	z (з)	s (с)	t (т‘)	d (д)	ϑ (т)	ṫ (ц‘)	d̆ (дз)	ϑ̇ (ц)
Латеральные		l (л)	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—
Альвеолярные		—		r (р)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Твердо-нёбные	Передние	—	—	—	—	‘y (й)	—	—	—	—	—	—	—
	Средние		—	—	—	j (ж)	ш (щ)	—	—	—	ṭ (ч‘)	d̰ (дж)	ϑ̣ (ч)
	Задние	—	—	—	—	[γ]	h (х)	k (к‘)	g (г)	q (к)	—	—	—
Мягко-нёбные	Передние	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Задние	—		q̇ (х‘)	k̇ (q‘)	g̃ (г‘)	—	[k]	[g̰]	[q̣]	—	—	—
Гортанные	Надгортанные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Междучерпц.			—	—	—	—	—	—	—		—	—
	Межсвязочн.	—	—			—			[γ]	—	—		—

и птичкой наверху k̇ ≻ ğ ≻ q̇ надо сказать, что Н. Я. Марр объясняет их исторически как сложные, образовавшиеся из k + h = k̇, g + γ = ğ, q + h = q̇, и называет их длительными спирантами. Звуки мягконёбные с точкой и птичкой внизу: ḳ ≻ g̮ ≻ q̣ тоже сложные, но мгновенные или прерывистые, образовавшиеся из сочетания двух звуков: k + χ = ḳ, g + γ = g̮, q + χ = q̣.

Звуки, заключенные в квадратные скобки в таблице, уже не существуют в грузинском языке, но частью сохранились в некоторых других яфетических языках (адыгейском, арабском).

У Н. Я. Марра данная классификация звуков носит другой характер и терминологию, потому что Н. Я. Марр строит свою классификацию, исходя из принципа истории развития звуков, мы же даем классификацию звуков в их современном статическом состоянии. В основном все согласные им делятся по принципу, характеризующему фонетический состав яфетических языков, на сибилянты и спиранты. К первым относятся 4 простых звука: s — z — ш — y и те африкаты, в которые эти простые стержневые звуки входят в качестве составной их части, как например: ṫ ≻ d̆ ≻ θ̇, ṭ ≻ d̮ ≻ θ̣. Спирантами называются Н. Я. Марром звуки: h — γ — χ — y и те составные, в которые они входят, т. е. k̇ — ğ — q̇ и т. д. Простые сибилянты и спиранты всегда слабые. Сильные согласные всегда трехступенные, как простые, так и составные, причем звуки зубные в нашей таблице t ≻ d ≻ θ называются Н. Я. Марром звуками переднеязычными, а звуки заднетвердонебные мгновенные: k ≻ g ≻ q — заднеязычными.

Из всей системы яфетидологической транскрипции каждый сложный трехступенный звук может быть разбит на 2 простых его составляющих, причем выясняется взаимная связанность не только между отдельными звуками, но и между целыми группами звуков. Так выяснилось, что усиленные глухие и звонкие могут сочетаться только с сибилянтами, а глухие слабые со спирантами. Схематически изображение связанности звуков и истории происхождения сложных трехступенных звуков дается Н. Я. Марром в его книге — „Яфетическая теория“, стр. 39. Таблица представлена в следующем виде:

Сильные простые звуки:

Сибилянты	t ∨ k	d ∨ g	θ ∨ q	Спиранты
s = ·	ṫ ∨ k̇		θ̇ ∨ q̇	h = ·
z = ˘		d̆ ∨ ğ		[γ] = ˘
ш = .	ṭ ∨ ḳ		θ̣ ∨ q̣	[χ] = .
j = ‿		d̮ ∨ [g̮]		y = ‿

На левой стороне квадрата помещены сибилянты, на правой— спиранты, наверху трехступенные переднеязычные: t ≻ d ≻ ϑ и заднеязычные: k ≻ g ≻ q. Знак рогатины (∨) между t и k (перебой) означает, что в однозначных словах не близко родственных языков один звук может заменяться другим без потери значения, или по яфетидологической терминологии: один звук перебивается в другой.

Звуки налево от рогатины могут сочетаться только с сибилянтами, причем только глухой с глухим, а звонкий со звонким, а звуки направо от рогатины соединяются только со спирантами Так например, звук „t" в сочетаниии с „s" дает составной звук „ṫ", который помещается уже в квадрате на линии по горизонтали с „s", а по вертикали с „t". Звук „k" в сочетании с глухим спирантом „h" даст „k̇", помещенный по тем же параллелям. Звонкий „d" в сочетании с звонким же „z" дает африкату „d̆", звонкий „g" в сочетании с звонким спирантом „γ" дает звонкую африкату „ğ" и т. д.

Если же взять и сравнить фонетический состав грузинского языка с русским, то в последнем обнаружится удивительная бедность в спирантах и вообще заднеязычных и гортанных звуках.

Представив звуковой состав русского языка в такой же схеме, мы получим следующую картину:

Сильные простые звуки

Сибилянты	—∨—	d ∨ g	ϑ ∨ q	Спиранты
s = ·	—∨—		ϑ̇ ∨—	[h] — x
z = ··		—∨···		[γ]
ш = ·	—∨—		ϑ̣ ∨—	[ɣ̇]
j = ··		—∨—		y
щ				

Русский звук „т" слабый; он отличается от грузинских разновидностей как усиленного, так и придыхательного, но условно изображается яфетидологической транскрипцией через „ϑ", так же, как русский звук „k", передается в яфетидологической транскрипции через „q". Я передаю эти оба звуки в русской транскрипции через простое русское „т" и „к".

Следовательно в языках позднейшей стадии — флективных — замечается отмирание заднеязычных и гортанных согласных, потому что сложность согласных, их диффузность, характерна для более древних языковых систем.

Чтобы пользоваться яфетидологической литературой, надо указать еще на своеобразное использование некоторых графических значков: стрелки, двух вертикалов и звездочки. Если между

двумя звуками помещена стрелка, <>, то, куда направлено острие там значит звук более позднего происхождения, т.-е. дериват. Например „s > z“ означает, что звук „z“ развился позднее из „s“; то же самое понятие можно было бы изобразить так: „z < s“.

Если между звуками находится пара вертикалов, то такое явление называется чередованием, причем чередоваться могут звуки только одного и того же ряда, как, например, свистящие сибилянты с шипящими сибилянтами же: s || ш, z || j; глухие спиранты с глухими же и т. д. Пара веритикалов может заменяться латинским словом respectiv или сокр. resp. Наконец звездочка (*), поставленная впереди слова, означает древнюю форму его или так называем. архетип, из которой произошла современная нам форма этого слова. Так, например, архетип грузинского слова „ena“—язык будет графически изображаться так: en-a < *hen-a.

Вместо кавычек иногда употребляются запятые слева и справа наверху выделяемого слова.

Остальные неупомянутые термины будут объясняться в процессе развития материала.

Фонетические законы и фонетическая классификация яфетических языков.

Мы уже видели, что для определенной системы или группы языков характерен и особый звуковой состав. Но надо добавить к этому, что не только один фонетический состав может определять ту или иную языковую систему, а также своеобразное использование особых категорий звуков и взаимоотношение между ними внутри этих систем. Так, в языках яфетической системы наблюдаются особые фонетические законы, которые их отличают от других языковых систем.

В старой индоевропейской лингвистике фонетическим законам языка придавалось исключительное значение. На основе одних звуковых соответствий устанавливалось родство (двух) языков и определялось, к какой семье или ветви он принадлежит. Для каждой, так называемой, „семьи“ языков были установлены точные звуковые законы, которые якобы не допускали исключений. Если же обнаруживалось существование особых звуковых норм в каком-либо языке, то это считалось ненормальным явлением. Таким образом все строилось на механическом применении звуковых форм, абстрагированных от конкретного содержания.

Материалистическая лингвистика совершенно по другому подходит к объяснению звуковых законов не только с точки зрения их физиологии и акустики, но с точки зрения их социального содержания. Сами звуки являются не только внешней оболочкой слова, его формой, но они тесно связаны со значением слова, а всякая значимость есть уже явление социального порядка, поскольку она подразумевает участие не одного лица, а

коллектива. Так, например, при произнесении слова „стол“ возникает у каждого члена коллектива представление о предмете твердом, круглом или четырехугольном, на четырех ножках и т. д., т. е. возникает представление стола, ибо в данном коллективе название стола вырабатывалось из сочетания четырех звуков (с-т-о-л). Если же мы скажем: „крам“, то это не будет понято никем, кроме самого говорящего, а следовательно сочетание звуков к-р-а-м не будет иметь социального содержания и не будет являться словом.

Значит звуки можно рассматривать не только со стороны их произношения (физиологии) и их звуковой стороны (акустики), но и с точки зрения их связи со значением, т. е. со стороны их социального содержания. С точки зрения физиолого-акустической, количество звуков в каком-нибудь исследуемом языке очень велико, так как имеется много оттенков их при произношении отдельными индивидуумами. Например, если возьмем гласный „о“ в русском языке, то в словах: отец, мол, захотел, это „о“ будет произноситься по разному, то приближаясь к „а“ (отец), то к „ы“ (захотел) и т. д. Таким образом, получается много разных оттенков или так называемых вариантов звука „о“, которые представляют с физиолого-акустической стороны все новые звуки.

С точки зрения социального содержания в данном языке имеется только один звук или так называемая одна фонема „о“, потому что, как бы мы ни произносили этот звук „о“ в разных словах, значение слова от этого не изменится. Если например А говорит „отец“, а Б говорит „атец“, то они все-таки поймут друг друга, потому что каждый узнает в этом слове один и тот же звук, несмотря на разницу в его произношении.

В каждом языке может быть бесчисленное множество звуков и только определенное количество фонем. Эти звуки-фонемы — „результат особой работы человека, коллективной работы над ее производством“, говорит Н. Я. Марр, подчеркивая здесь социальный момент в генезисе и развитии фонемы.

С изменением социально-экономической структуры общества изменялся и весь строй языка, а следовательно и его фонетический состав. Мы уже видели, как в более развитых языках исчезают диффузные звуки, заменяясь простыми, как постепенно идет это изменение по пути от первоначальной слитности к позднейшей членораздельности. Изменяются звуки, изменяются и звуковые законы. Строгие звуковые соответствия внутри группы языков не первоначальное явление,— это позднейшее достижение, основанное на социальном схождении различных народов. „По возникновении звуковых соответствий в языках различных социальных групп строгая система вовсе не устанавливалась сразу, звуковые соответствия вовсе не становятся такими закономерными явлениями, и когда они становятся закономерными явлениями, то примеры такой закономерности охватывают лишь

определенный круг слов, вне которого тот же закон абсолютно не обнаруживается ничем".[1]

Следовательно звуковые соответствия устанавливаются не сразу. Так же, как родство языков есть позднейшее явление, основанное на схождении социальных структур народов, то же самое и звуковые корреспонденции (соответствия) возникают на почве сближения социально-экономического уклада разных коллективов. В группе более развитых языков мы встречаем как уже выработанные звуковые законы, внутри их самих, так и звуковые соответствия в пределах всей данной группы, тогда как в менее развитых (примитивных) языках яфетической системы, как например в чувашском, фонетические законы еще не окончательно стабилизовались.

Все это должно учитываться при подходе к изучению как фонетических законов, так и фонетических соответствий между языками. При исследовании языков материалистической лингвистикой учитываются не только существующие (современные) стабилизовавшиеся нормы и взаимоотношения между звуками разных языков, а те звуки и соотношения, которые характеризуют предшествующую стадию развития языка, т. е. фонетические законы и корреспонденции рассматриваются в призме их исторического развития.

Формула v || m → p → b → φ означает допустимость изменения звука „v" и переход его в следующие по формуле звуки на определенной стадии развития языков, без изменения значения слов. Это значит, что если мы имеем в различных языках слова, связанные по значению, но имеющие своим начальным согласным звуки „v" или „m" в подъеме „p" и далее в трехступенной озвонченности: p → b — φ, то мы в праве сопоставлять их между собою, как равные величины. Например мы можем сопоставить одноэлементное удмуртское слово „val"—лошадь с корейским словом „mal"—тоже лошадь, и далее с двухэлементным лезгинским bal-kan"—лошадь, и с грузинским „φa-φar || φa-φal"—грива и т. д.

В языках яфетической системы яфетидологией установлен ряд фонетических законов и положений, которые имеют место не только в среде собственно яфетических языков, но прослеживаются в языках прометеидских, потому что последние являются дальнейшей ступенью развития яфетических, и потому перманентно в них сохраняются черты пройденной ими уже стадии.

Поэтому для общего учения об языке важно изучение установленных Н. Я. Марром фонетических законов и соответствий внутри яфетических языков, на основе которых им производится классификация их.

По фонетическому признаку все яфетические языки делятся на две ветви: сибилянтную и спирантную. Первая в свою очередь

[1] Марр. „Родная речь — могучий рычаг культурного подъема", стр. 26.

разделяется на две группы: свистящую и шипящую. Сибилянтная ветвь характеризуется наличием большого количества свистящих и шипящих звуков, а спирантная ветвь характеризуется наличием спирантов, т. е. придыхательных от латинского слова aspiro, что значит „говорить с придыханием". Каждой ветви и группе соответствуют определенные гласные и согласные. Так, свистящей группой используются преимущественно гласные: „a", „e", а шипящей: „o", „u", „a". Характерной огласовкой для спирантной ветви является: „e-i". Это значит, что если в слове свистящей группы имеем гласный „a", то в однозначном слово шипящей группы должно быть „o" или „u", а в спирантной—„e". Но надо принять во внимание, что не во всех случаях имеются такие соответствия, так как надо учитывать то, что ни один язык не является чистым типом; в то же время можно все-таки установить для известного ряда языков частые случаи таких чередований, которые можно называть фонетическими соответствиями. Эти чередования обнаруживаются в языках родственных и одной и той же стадии или типологии, как, например, между грузинским и мегрельским: оба языка агглютинирующие с чертами флективности. В яфетидологии такие взаимоотношения между звуками языков одной и той же стадии называются гомохроническими или статическими, т. е. когда сравниваются звуки двух стабилизовавшихся языков с определенными установившимися фонетическими нормами. Такое исследование языков является формальным и составляет сущность той сравнительной грамматики, которой пользуется широко индоевропейское языкознание. В противовес этому гомохроническому исследованию языков, материалистическая лингвистика выдвигает новый принцип исследования — диахронический, т. е. когда сравнение производится в плоскости различных языковых типологий или стадий, и звуки этих языков рассматриваются с точки зрения их развития и изменения при переходе языка из одной стадии в другую. Такое сравнение звуков можно производить, например, между абхазским — аморфным языком и грузинским — агглютинирующим, и т. д.

Сначала мы рассмотрим те гомохронические взаимоотношения звуков, которые установлены яфетидологией в языках двух одинаковых типологий. Для примера возьмем грузинский свистящий язык и близко родственные к нему мегрельский и чанский — шипящие языки.

Если в грузинском языке мы будем иметь огласовку „a", то в мегрельском языке, относящемуся к шипящей группе, мы должны будем иметь соответственную огласовку на „o".

Чередование гласных: a||o

Примеры:

Груз. яз. „ban-a" — мыть	Чанск. яз. „o-bon-u" — мыть
„ „m-qar-e" — страна.	„ „mu-qur-i — страна.

Чередование гласных: e || a

Груз. яз. „ϑen-eb-a“ — светать	||	Мегр. яз. „ϑan-oφ-a — светать
„ „teq-a“ — ломать	||	„ „taq-u-a“ — ломать
„ „saql-ι“ — дом	||	Чанск. яз. „o-qor-ι“ — дом.

Чередование согласных в сибилянтных языках.

Свистящ. группа		Шипящ. группа
s	||	ш
ш	||	sq ← sk → sq ← шq
z	||	j
t	||	t
ϑ	||	ϑ
t	||	tk
d	||	d
d	||	dg
l	||	r
r	||	nd → nd → d

Примеры.

s || ш

Грузинский язык		Мегрельский язык
as-ι = сто	||	ош-ι = сто
sul-ι = душа	||	шur-ι = душа
ш	||	sk—шq
vaшl-ι = яблоко	||	(v) u-шqur-ι = яблоко
шen-ι = твой	||	skan-ι = твой
шvil-ι = сын	||	sku-a = сын
z	||	j
mze = солнце	||	bja = солнце
t	||	t
tabl-ι = каштан	||	tubur-ι = каштан
ter-a = писать	||	tar-u-a = писать
ϑ	||	ϑ
ϑqr-a = девять	||	ϑqor-ι = девять

ṭ	||	ṭk
ṭad-ι = кукур. хлеб	||	ṭkιd-ι = кукур. хлеб
ṭam-a = есть	||	ṭkom-u-a = есть
d̆	||	d
d̆ağl-ι = собака	||	d̯og̯or-ι = собака
d̆vel-ι = старый	||	d̯ve ш̱-ι = старый
d	||	d̆g
mar-d̯ven-e = правая рука	||	mor-d̆gwan-ι = правая рука
l	||	r
asui-ι = девушка	||	o-шur-ι = девушка
m-ϑelι = здоровый	||	ϑar-ι = здоровый
ϑa-ç̣l-ι = мед	||	ϑo-φur-ι = мёд
r	||	nd̯ → nd → ⁽n⁾ d
pir-ι = рот	||	pid̯-ι = рот
q-mar = муж	||	qo-mond̯-ι = муж
si-zmar-ι = сон	||	ι-zmod̯-a = сон
ber-i = старый	||	bad-ι = старый

Мы рассмотрели законы чередований внутри языков, принадлежащих к сибилянтной ветви, но и внутри спирантной ветви яфетидологией установлены такие же гомохронические соответствия. Схема звуковых соответствий в языках спирантной ветви такова:

Чередование гласных:

e	||	e ⟷ ι
ι	||	ι ⟷ e

Чередование согласных:

h	||	γ
γ	||	y
ḳ	||	ḳ
ğ̣	||	g̯
q̣	||	q̣

Такие соответствия могут быть у двух языков спирантной ветви, как, например, абхазского и сванского. У двух родственных языков абхазского и адыгейского, принадлежащих к спирантной ветви, но первого — свистящего, а второго — шипящего, звуковые соответствия будут несколько другие, например:

s_1 || $ш_1$ → Sш
ħ || q̇
k_1 || $ṭ_1$

Примеры:

s_1 || $ш_1$ → Sш

Абхазский язык		Адыгейский язык
а-ҫs_1а = штык	||	ҫ$ш_1$ ә = штык
а-s_1-rа = ткать	||	sшә = тки

h || q̇

а-ҫħа = дочь	||	ҫ$q̇_o$ә = дочь
а-$ħ_o$а = свинья	||	q_oе = свинья

k_1 || $ṭ_1$

а-k_1аҫа = курдюк	||	$ṭ_1$аҫе = курдюк
а-$k_1$etey = кишка	||	ṭetәy = кишка

Но самым важным в методологическом отношение является установление материалистической лингвистикой звуковых соответствий в диахроническом разрезе. Если при гомохроническом исследовании берутся языки близко родственные с одинаковой типологией, то при диахроническом изучении можно сравнивать языки разных типологий и неродственные между собой. Прослеживание этих диахронических взаимоотношений было всего легче осуществить на языках яфетических, так как последние обнаруживают большую полистадиальность, начиная с аморфных (абхазский) и кончая флективным (древне-литературный грузинский и армянский).

Установление диахронических звуковых соответствий между яфетическими языками дало возможность проследить эти законы пережиточно и в языках более поздней типологии, как например в индоевропейских. Потому нас не должно смущать то обстоятельство, что яфетидолог не останавливается перед сравнением таких, казалось бы, совершенно чуждых друг другу языков, как японский и грузинский, греческий и грузинский, и т. д., которые в плоскости гомохронической представляют собою две различных типологии, а в плоскости диахронической являются двумя последовательными стадиями развития.

При сравнении языков в диахроническом разрезе яфетидологией установлены другие фонетические законы, заключающиеся не в чередовании звуков, а в перебое их; это значит, что звуки одного ряда в языке А заменяются звуками другого ряда в языке Б, как например: сибилянты перебиваются в спиранты: s\/h, z\/γ, ш\/γ, j\/y; или же переднеязычные (зубные) перебиваются в заднеязычные (твердонёбные), как например: t\/k, d\/g, ϑ\/q и т. д., не всегда, конечно, в такой строгой закономерности.

Другим моментом диахронического соответствия является разложение диффузных сложных звуков в одних языках на простые — в других. В этом смысле могут чередоваться сложные звуки (африкаты) одного языка с простыми звуками другого, как например: t ‖ ṫ, d ‖ d̆ и т. д. Поэтому японское слово „kata“ — человек сопоставляется с грузинским словом „kaṫ-ι“ — человек, т. к. в грузинском языке сохранилась бо̀льшая диффузность звуков, чем в японском. Грузинское слово „φud̆-e“ — основание, почва, корень сопоставляется с греческим: „φwz-e“ — корень и т. д.

Учитывая перебойность звуков t\/k, сопоставляем грузинское слово „tar“ — ручка, рукоять — с армянским „kar“ — сила (рука). Первый язык сибилянтный, второй — спирантный.

Чувашское слово „s_1ə-mar-ϑa — яйцо — сопоставляем с грузинским „k̇-ver-ϑq̇-ι“ — яйцо, с учетом, во-первых, перебоя сибилянта s_1 в спирант k̇ в подъеме k; во-вторых, зная, что в яфетических языках устанавливаются чередования „m“ с „v“ из формулы: m ‖ v ≻ p ≻ b ≻ φ, и зная другое положение из яфетидологии о том, что если в шипящем языке (чувашский) имеется огласовка „a“, то в свистящем (грузинский) должна быть огласовка „e“, — мы устанавливаем тождество чувашского „mar“ с грузинским „ver“; наконец, третья часть чувашского слова — ϑa соответствует грузинскому ϑq̇ при учете подъема ϑ в ϑ̇ и диффузности звуков, присущей грузинскому языку. Таким образом учет диахронических звуковых соответствий выявляет нам полное тождество двух слов, чувашского и грузинского, и позволяет нам считать их равнозначущими и сопоставлять их.

Следовательно, яфетидология выдвигает два подхода или метода исследования и сравнения фонетического состава языков. Первый метод — гомохронический — основан на принципе чередования звуков двух родственных языков одной типологии, т. е. языков индо-европейских с индо-европейскими же, семитических с семитическими, и т. д. Этот метод учитывает законы чередование звуков для данного периода времени в двух группах языков и потому его можно назвать статическим.

Диахронический метод основан на принципе перебоев звуков двух не близко родственных, а также и совсем не родственных языков разных типологий и систем, например: яфетических и индоевропейских, при чем с помощью этого метода звуки рас-

сматриваются в их динамике. т. е. в процессе их развития, но не эволюционного развития в пределах одной стадии, а революционного, связанного с переходом из одной стадии в другую, путем скачка, почему сам метод может быть назван диахроническим, революционным или же историческим. Мы видим, следовательно, что этот последний метод приближается к диалектическому методу.

Исследование яфетических языков с фонетической стороны выяснило отсутствие чистых типов, как это мыслилось индоевропейской лингвистикой, и установило наличие переплетения или смешения языков друг с другом. Этот факт, так называемой, скрещенности языков играет большую роль в методологии материалистической лингвистики, почему нам необходимо детально остановиться на нем.

Глава IV.

Учение о скрещении языков.

Вопрос о скрещении языков является одним из основных элементов материалистической лингвистики. Еще до возникновения яфетидологии, индоевропейские лингвисты обращали внимание на то обстоятельство, что в ряде языков существуют слова неизвестного происхождения. Так, например, в германских языках и албанском находили до 30% слов, которые не находили объяснений на родной почве. Появление таких чуждых, казалось им, слов в к.—п.· языке индоевропеисты объясняли заимствованием. Но если можно объяснить заимствованием части культурных терминов одним менее развитым народом у другого, то как объяснить сходство таких общих треминов, как: рука, женщина, собака, в разных языках? Нельзя предположить, что этих слов не существовало например в грузинском, пока они не были заимствованы от армян или от других народностей. Кроме того выявляется тот факт, что в близко-родственных языках, как греческий и латинский. в целом ряде простых общеупотребительных терминов, обнаруживается меньше сходства, чем между латинским и грузинским. В таких, например, словах, как: огонь, вода, рука, нога, хлеб и т. д., существуют более тесные параллели между яфетическими языками и греческим или латинским, чем последних между собою. Так, латинское слово „pe-d“ — нога стоит ближе к грузинскому „pe-q̇-ṭ“ — нога, чем к греческому, а греческое слово „po-d“ — нога связывается несомненно с мегрельским „bor-k“ — нога; и еще другой пример: чувашское слово „Ṣ,ə-mar“ — дождь сходится с грузинским термином: ṭvi-ma ←→ ṭu-ma (в груз. имеется закон раздвоения „u“ в vi“, перешедший из сванского), а не с термином своего ближайше-родственного языка — турецкого, где слово „дождь“ звучит „yağmur“.

Теория замствований, поэтому, может объяснить только некоторые факты — уже культурно-исторического порядка, и то только в кругу ближайших по территории родственных языков, но она не может дать никакого положительного ответа на поразительное явление сходства между южно-американскими языками и яфетическими в таких распространенных словах, как „рука“: южно-амер. „marr“ или „mar“, грузинск. „mar“ — в слове „mar-dvene“ — правая рука.

Южно-американ:

огонь — ol-hul	армян.: „hur“ = огонь груз.: „al-ι“ = пламя
камень — yarr	баск.: „ar-ι“ = камень арм.: „kar“ = камень
бедро (бок) — tan-ιn	груз.: „θan'-a“ = около (← сторона, бок).[1]

Индоевропейская лингвистика не могла объяснять все эти факты, как только заимствованием, потому что теория заимствований не противоречит сущности идеалистических воззрений на язык. В чем же социальная сущность этой теории, которая была так хорошо усвоена индоевропеистами?

Эта теория является логическим продолжением идеалистических учений об языке. Индоевропейская лингвистика учила, что „язык является продуктом деятельности психофизической организации человека“[2], т.-е. его духовной деятельности, а следовательно он не социальное, а естественно-историческое и индивидуальное явление. Она рассматривала язык абстрактно, вырвав его из связи социальных явлений и причисляя его к явлениям природы, что в конце концов вело к установлению взгляда на язык, как на нечто единое цельное, присущее данному индивиду, а затем и целому народу с самого начала его существования. С этой точки зрения происходило и деление языков на семьи, причем самой культурной и высоко-развитой языковой семьей считалась индоевропейская. Этот вывод был необходим буржуазно-националистическому обществу для утверждения взгляда на приоритет культуры Запада вообще и на оправдание политики порабощения мелких народностей.

Теория заимствований в языке как-раз подразумевает наличие цельных чистых языковых массивов, основанных в свою очередь на единой национальной культуре, и всякое внедрение чуждых элементов объясняется ею чисто внешним фактом влияния одного народа на другой в смысле культурного заимствования.

Материалистическая лингвистика принципиально стоит на другой точке зрения, вытекающей из всего материалистического взгляда на язык. Отрицая существование единых национальных культур, она отрицает и чистые языковые типы. Она выдвигает новое положение о том, что в мире нет ни одного несмешанного или скрещенного языка и что самый фактор скрещения на более ранней ступени культурного развития общества играл первостепенную роль. Язык есть продукт общественности, по воззрениям нового учения об языке, и очень разнообразной общественности, представленной в древние времена совокупностью различных

---

[1] Марр. Происхождение американского человека и яфетическое языкознание. Стр. 184-5.

[2] Поржезинский. — „Введение в языковедение“. Стр. 132.

социально-производственных коллективов, а впоследствии племен и классов. В создании каждого языка отразилось творчество не одного только бесклассового, племенного или классового об-ва, а многих, поэтому каждый язык в настоящее время представляет собою совокупность нескольких существовавших ранее и существующих языков, или, как выражает эту мысль проф. Яковлев, язык представляет собою систему систем. Нельзя поэтому рассматривать, например, французский язык, как создание только французского народа. В нем мы находим несомненно элементы баскского языка, галльского, этрусского и др. языков. Русский язык сочетает в себе элементы не только славянские, но и тюркские и угрофинские, и элементы яфетических языков Кавказа; вернее— те элементы, из которых впоследствии образовались современные языковые системы или так наз. „семьи".

Самый процесс создания языка на первых его ступенях развития — это процесс скрещения слов различных хозяйственно-экономических коллективов, поэтому в настоящее время нет нескрещенных языков. Многие слова в скрещенном языке мы можем рассматривать как сочетание каких-то элементов — двух, трех и больше, и можем разлагать их на части. Сравнение скрещенных слов двух языков должно проводиться на основе разложения их на части — элементы — и сравнения их по этим элементам между собою.

Каким же образом следует разлагать слова на элементы, или, другими словами,— как узнавать, из скольких элементов состоит слово?

Законы такого расчленения слов особенно наглядны в собственно яфетических языках. Исследование этих языков показало, что нормально каждый элемент должен состоять из трех звуков: согласный + гласный + согласный (выражая формулой, получим „tet", где буква „t" согласный, а „e" — гласный), но в живой речи в настоящее время мы наблюдаем часто утрату к.-н. звука из комплекса „tet". Поэтому, если мы имеем к.-н. комплекс „te", то можно предположить, что последний согласный уже утерялся в процессе развития речи. Восстановление комплекса в его нормальном виде в яфетидологии обозначается через звездочку впереди слова, который называется архетипом данного слова. Например, архетип финского слова „pu" — хлеб будет „pur" (по грузински „pur-ι" — хлеб, где „pur" корень, а „ι" — огласовка именит. падежа); технически это будет изображаться так: pu ← *pur.

Но мы можем задать вопрос, почему архетип слова „pu" будет „pur", а не „put" или „pun" или еще как-нибудь?

Здесь нам придется обращаться опять непосредственно к фактам, которые нам дают яфетические языки. Прослеживание и исследование грузинского и других яфетических языков показало, что в основе их слов лежат 4 основных звуковых комплекса или элемента, которые условно называются Н. Я. Марром „sal-ber-yon-roш" или просто A. B. C. D. Существование

именно четырех комплексов увязывается яфетидологией с моментом производства в первобытном обществе, когда началась звуковая речь; подробное объяснение нами будет дано ниже в главе о происхождении языка; каждый из этих элементов в своем развитии получил целый ряд закономерных разновидностей, причем фонетическое изменение их подчинялось тем же законам, которые мы видели уже на примере сравнений свистящих и шипящих групп сибилянтной и спирантной ветви.

Следует подчеркнуть, что элементы, установленные Н. Я. Марром не являются пракорнями или прасловами данной группы языков, т. к. они прослеживаются уже в современной членораздельной речи, они скорее представляют собою одно звено существующего ряда фонетических изменений слов. Эти фонетические изменения внутри слов подчиняются определенным законам, к—ые и устанавливаются Марром в кругу яфетических языков, но пережиточно сохраняются в языках других типологий.

Что же касается самого состава каждого элемента из 3 звуков (формула tet) то этот вид свойственен более развитым яфетическим языкам агглютинирующе-флективного строя, как например грузинскому, армянскому, баскскому, и т. д., тогда как аморфно-агглютинирующим языкам присущ скорее фонетический тип te, т. е. тип открытого слога, который мы наблюдаем в абхазском, китайском, адыгейском, кабардинском. Поэтому сведение в яфетидологии любых слов языков разных типологий к архетипу tet является механистическим моментом, который должен быть отброшен.

Н. Я. Марр устанавливает целую таблицу таких закономерных разновидностей 4-х элементов. Каждый элемент характеризуется подбором определенных согласных и гласных, которые изменяются закономерно в пределах различных языковых групп, причем элементы B и D изменяются только по двум группам: свистящей и шипящей, а элементы A и C имеют соответственные фонетические изменения еще и по спирантной ветви. Следовательно, для элементов A и C мы будем иметь три группы фонетических разновидностей, а для остальных — две.

Рассмотрим все изменения каждого элемента без учета диффузности звуков в них; надо помнить о том, что если элемент A встречается в языках сибилянтной ветви и свистящей группы, то он должен иметь соответствующую огласовку на „a“ и соответствующий свистящий согласный в начале; если же он встречается в шипящей группе, то должен иметь огласовку на „o ≺ ≻ u“ и соответствующий начальный шипящий согласный; а в спирантной ветви тот же элемент будет иметь начальные спиранты и соответствующую огласовку на „a“ в свистящей или окающей группе языков, на „o“ в окающей или шипящей и на „e“ в экающей.

Приведем таблицу изменений всех 4-х элементов.

I. Элемент A (sal).

Сибилянтная ветвь.		Спирантная ветвь	
Свистящая группа.	Шипящая группа.	Акающая группа.	Окающая группа.
С учётом закона чередований свист. „s" с шип. „ш", l ‖ r, a ‖ o		С учётом закона чередований h ‖ γ, l ‖ r и a ‖ o	
sal (≻ zal)	‖ шor (≻ jor) ≺—≻ шur(≻ jur) ∨	hal (≻ γal)	‖ γor (≻ yor) ≺—≻ γur(≻ yur)
„s" в подъеме (↗) даст аффрикату ṫ; с учетом трехступенности озвончения, будем иметь:	„ш" в подъеме (↗) даст аффрикату „ṫ"; с учетом трехступенности озвончения, будем иметь:	„h" в подъеме (↗) даст аффрикату k̇; с учетом трехступенности озвончения, будем иметь:	„h" в подъеме (↗) даст аффрикату „k̇"; с учетом трехступенности озвончения, будем иметь:
(sal) →ṫal (≻ d̆al ≻ ϑ̇al)	‖ ṫor(≻d̰or≻ϑ̇or)≺≻ṫur(≻d̰ur≻ϑ̇ur) ∨	(hal) →k̇al (≻ ğal ≻ q̇al)	‖ k̇or(≻g̰or≻q̇or)≺≻k̇ur(≻g̰ur≻q̇ur)
ṫ в падении (—≻) даст t	ṫ в падении (—≻) даст t	k̇ в падении (—≻) даст k	k̇ в падении (—≻) даст k
(ṫal)—≻tal (≻ dal ≻ ϑal)	‖ tor(≻dor≻ϑor)≺≻tur(≺dur≻ϑur) ∨	(k̇al) →kal (≻ gal ≻ qal)	‖ kor(≻gor≻qor)≺≻kur(≻gur≻qur)

II. Элемент B (ber).

Сибилянтная ветвь.

Свистящая (акающая) группа.	Шипящая (окающая) группа.	Экающая группа.
С учётом закона чередований a ‖ o, l ‖ r и равного колебания m ≺≻ v:		
val ≺≻ (mal)	‖ vor ≺≻ (mor) ≺≻ vur ≺≻ (mur) ∨	vel ≺≻ (mel) ≺≻ vl̥ ≺≻ (ml̥)
v в подъеме даст p; с учетом трехступенности озвончения губно-зубных звуков будем иметь:		
(val) →pal (≻ bal ≻ φal)	‖ por(≻bor≻φor)≺≻pur(≻bur≻φur)	∨ pel(≻bel≻φel)≺≻pl̥(≻bl̥≻φl̥) ‖ per (≻ber ≻ φer) ∨ pend̰ (≻ bend̰≻φend̰) ≻bed resp. ben.

III. Элемент C (yon).

Сибилянтная ветвь. Свистящая группа.		Шипящая группа.		Спирантная ветвь. Акающая группа.		Окающая группа.
san (≻ zan)	‖	шon (≻ jon) ≺≻ шun (≻ jun)	∨	han (≻ ɣan)	‖	ɣon (≻ yon) ≺≻ ɣun (≻ yun)
(san) → ṫan (≻ d̆an ≻ ϑ̇an)	‖	→ ṭon (≻ d̰on ≻ ϑ̣on) ≺≻ ṭun (≻ d̰un ≻ ϑ̣un)	∨	(han) → k̇an (≻ ğan ≻ q̇an)	‖	→ ḳon (≻ g̰on ≻ q̣on) ≺≻ ḳun (≻ g̰un ≻ q̣un)
(ṫan) → tan (≻ dan ≻ ϑan)	‖	ton (≻ don ≻ ϑon) ≺≻ tun (≻ dun ≻ ϑun)	∨	(k̇an) → kan (≻ gan ≻ qan)	‖	→ kon (≻ gon ≻ qon) ≺≻ kun (≻ gun ≻ qun)

IV. Элемент D (roш)

Сибилянтная ветвь: Свистящая (акающая) группа.		Шипящая (окающая) группа.		Экающая группа.		
las (≻ laz) ∨	‖	roш (≻ roj) ≺≻ ruш (≻ ruj) ∨	∨	les (≻ lez) ∨	‖	reш (≻ rej) ≺≻ rᶦш (≻ rᶦj) ∨
nas (≻ naz)	‖	noш (≻ noj) ≺≻ nuш (≻ nuj)	∨	nes (≻ nez)	‖	neш (≻ nej) ≺≻ nᶦш (≻ nᶦj)
(las) → lȧt (≻ lăd ≻ laϑ̇) ∨	‖	→ ṛot (≻ ṛod̰ ≻ ṛoϑ) ≺≻ ṛut (≻ ṛud̰ ≻ ṛuϑ)	∨	(les) → lėt (≻ lĕd ≻ leϑ̇) ∨	‖	→ ṛet (≻ ṛed̰ ≻ ṛeϑ) ≺≻ ṛᶦt (≻ ṛᶦd̰ ≻ ṛᶦϑ) ∨
nȧt (≻ năd ≻ naϑ)	‖	not̤ (≻ nod̰ ≻ noϑ̣) ≺≻ nut (≻ nud̰ ≻ nuϑ̣)		nėt (≻ nĕd ≻ nėt)	‖	net̤ (≻ ned̰ ≻ neϑ̣) ≺≻ nᶦt̤ (≻ nᶦd̰ ≻ nᶦϑ̣)
(lȧt) → lat (≻ lad ≻ laϑ) ∨	‖	→ rot (≻ rod ≻ roϑ) ≺≻ rut (≻ rud ≻ ruϑ)	∨	(lėt) → let (≻ led ≻ leϑ) ∨	‖	ret (≻ red ≻ reϑ) ≺≻ rᶦt (≻ nᶦd ≻ rᶦϑ) ∨
nat (≻ nad ≻ naϑ)	‖	not (≻ nod ≻ noϑ) ≺≻ nut (≻ nud ≻ nuϑ)		net (≻ ned ≻ neϑ) и т. д.	‖	net (≻ ned ≻ neϑ) и т. д.

В выше приведенной таблице мы рассматривали простые комплексы четырех элементов с простыми недиффузными начальными согласными, но в яфетических языках существуют еще и диффузные согласные, например в грузинском очень часто в начале слов мы имеем такое сочетание двух согласных как ṫk, d͠g, и т. д. Эти слитные или диффузные звуки мы можем привести к простым. Зная, что ṫ состоит из двух звуков t + s, а ḳ из k + h, мы можем установить, что при падении обоих звуков ṫk в этом слитном комплексе мы должны получить диффузное сочетание простых звуков: tk или sh; при утере же диффузности, т. е. выпадении спиранта, получится только t или s, т. е. получим простую разновидность элемента sal по свистящей группе. Таким образом, каждый диффузный комплекс может быть сведен нами к простому не слитному комплексу — основному элементу.

Наличие четырех элементов и их разновидностей прослеживается не только в яфетических языках, но пережиточно и в индоевропейских, поскольку последние являются следующей стадией развития яфетических языков. Поэтому при разложении слов индоевропейских языков мы можем до известной степени основываться на тех фонетических законах, которые установлены для яфетических, потому что эти фонетические законы сохраняются как пережитки в языках других систем. На ряду с этим при сравнении индоевропейских языков мы не должны забывать и учитывать те новые фонетические нормы, которые установились позднее в кругу близко-родственных между собою языков, как например между русским и польским, чувашским и турецким, и т. д., т. е. между самими индоевропейскими языками.

Правильность установленных яфетидологией разновидностей четырех элементов можно подтвердить многочисленными примерами. Возьмем сначала одноэлементное слово, а затем перейдем к двухэлементным скрещенным словам.

По-грузински слово „ṫqal“ означает — вода. Это слово, одноэлементное с начальным диффузным согласным ṫq; в падении звука ṫ и утрате спиранта этот сложный звук ṫq даст нам простой сибилянт s; огласовка на „a“ и конечный „l“ указают нам, что в основе этого слова лежит элемент А; по шипящей группе этот элемент А должен был бы звучать как шor ≺ ≻ шur; на этой ступени мы и имеем этот элемент в мегрельском шипящем языке с утратой плавного согласного на конце в слове „шu“ — вода. Соответственно глухому элементу „шur“ можем иметь звонкий „jur“, что лежит в основе русского глагола журчать, производного от слова вода; далее „jur“ в подъеме даст нам „d͡ur“, что имеем в армянском языке, где „d͡ur“ означает тоже вода. Это все в плоскости гомохронической в сибилянтных языках. В спирантных языках мы должны иметь на месте сибилянта „s“ спиранта „h“, т. е. sal ∨ hal. В этой полной форме по спи-

рантной ветви элемента А не сохранилось, но в усеченном виде, он обнаруживается в шумерском, где „а" значит вода. Закономерная разновидность „hal" по окающей группе должна быть: „γor <-> γur", которая не сохранилась в языках, но в усеченном виде с потерей начального согласного мы имеем ее в баскском языке в слове „ur <- *hur"— вода. Элемент „hal" в подъеме дает „gal", что опять находим в чанском языке, где „g al-i" означает речка, вода.

Возьмем теперь слово „лошадь", в основе которого лежит элемент В, и проследим его видоизменения в разных языках на примерах одноэлементных слов. При разборе разновидностей элемента В всегда следует учитывать формулу: v || m -> p -> b -> ?.

Сибилянтная ветвь:

Акающая группа	Окающая группа
val (удмурт. яз.) <-> mal (кор. язык)	vor <-> mor ->
mma (япон. язык)	mər <-> mör
ma (кит. язык)	(тувинск. яз.)
mra (монг. язык)	

Спирантная ветвь:

Акающая группа.	Окающая группа.
kal с усечением „l" имеем „ka", встречаем. в скрещен. двухэлементном слове ka — bal, где оба элемента означ. слово „лошадь" (латинский язык).	kor <-> kur (-> gur -> qur); „qur" встречается в скрещ. армянск. слове: „qur-ak" — жеребенок.

Те же самые элементы мы встречаем и в скрещенных словах, причем каждый из них в отдельности может быть найден в разных языках.

Надо различать два вида скрещения: первичные или иноязыковые и вторичные или внутриязыковые[1].

С первыми мы встречаемся на ранних стадиях развития человеческой речи, когда существовало единое классово недифференцированное общество и когда внешние факторы воздействия играли бо́льшую роль, чем внутренние. В тот период основным фактором развития звуковой речи было скрещение слов двух разных социально-производственных группировок; причем это скрещение выражалось вначале в парном упореблении 2-х самостоятельных слов с одинаковым значением и лишь позднее эти

[1] Термины и пояснения мои. Т. А.

оба слова настолько сращивались между собою, что теряли часть присущих им звуков и превращались как бы в одно слитное слово с тем же или близким им значением.

Вторичный им внутриязыковый тип скрещения свойственен более поздним эпохам развития человеческой речи, когда преобладающее значение начинают играть факторы внутреннего диалектического процесса самого языка. Он характерен тем, что здесь происходит скрещение слов разного значения, но одного и того же языка, т. е. происходит диалектическое снятие первичного процесса скрещения, в результате чего появляется слово с новым значением. Этот тип скрещения особенно ясно наблюдается в яфетических яыках, как-то: адыгейском, грузинском, мегрельском и др., где например слово „слеза“ передается двумя словами — вода и глаз, как-то: адыгейское „φsə — pă“ = слеза (букв, вода глаза), мегрельское „ϑı — la — mur“ = слеза ≺ -глаза (ϑı) вода (la — mur), грузинское „kur — ṫqal“ ≺ глаза (kur) вода (ṫqal). Такой процесс скрещения или как его можно назвать составности слов идет тоже по линии утери самостоятельности слов, путем усечения их и превращения в суффиксы или префиксы одного из них, как это наблюдается в индоевропейских языках.

Процесс скрещения наблюдается и в настоящее время между двумя близкими территориально языками. Так, например, в средней Азии туркмен, разговаривая с таджиком, употребляет для одного понятия два слова однозначащих: туркменское и таджикское. Впоследствии из этих двух самостоятельных слов может получиться одно слово двухэлементное с тем же значением, которое войдет в обиход этих двух народов, как единое, якобы, национальное слово того и другого народа.

В каждом языке при углубленном исследовании его мы можем найти массу скрещенных слов. Возьмем наиболее наглядные примеры из разных языков.

Грузинское слово „ğa-me“ ночь; первый элемент „ğa“ на следующей ступени озвончения дает „q̇a“, что в абхазском языке означает: ночь; второй элемент „me“ или „ve“ (при учете равномерного колебания m ≺ ≻ v) встречаем в мордовском, тоже в значении ночи.

Слово языка коми „mu-zem“ — земля: первый элемент „mu“ употребляется в языке коми самостоятельно и означает тоже — земля; второй элемент мы находим в русском земь — зем-ля; следовательно слово „mu-zem“ является скрещенным словом финского и русского языков.

Адыгейское слово „q̇ăre-sui̧əṫ“ — черный, двухэлементное скрещение турецкого слова „q̧ăr“ — черный и адыгейского слова „sui̧əṫ“ — черный.

Чувашское „s₁ə-mar“ — дождь, вода, состоит из турецкого „su“ — вода (чувашское шu) и „ma“, который употребляется в значении „воды“ и „реки“ у сибирских народностей.

Надо отметить, что не всегда два однозначных слова при скрещении давали слово с тем же значением. Иногда скрещивающиеся слова и результат их скрещения могли быть не тождественными по значению, но близкими или, как учит яфетидология, они должны были принадлежать к одному семантическому ряду, то есть, к тому ряду слов, которые были связаны друг с другом в процессе развития их значимостей. Эти ряды установлены яфетидологией, которая происхождение и развитие их связывает с развитием материальной культуры общества. Разбору их мы посвятим следующую главу.

Установление скрещения в языках предопределяет и подход к изучению и исследованию языков и слов, не как единых, а как разложимых комплексов, при чем с формальной фонетической стороны сравнение языков и слов может проводиться по линии сравнения свистящих и шипящих групп, и сибилянтных и спирантных ветвей и т. д.

Теория скрещения играет большую роль в методологическом отношении, т. е. в самом подходе к исследованию языка. Если индоевропейская лингвистика подходила к исследованию языка, как единого национального массива, то материалистическая лингвистика отрицает как единую национальную культуру, так и единый национальный язык, присущий данному народу с начала его существования. Ни один язык не развивался изолированно. Поэтому при исследовании каждого языка надо считаться с теми элементами, которые входят в его состав, — то-есть, например, учитывая и исследуя французский язык, мы должны учитывать, что в его состав входят элементы баскского языка.

Например, если мы берем романские языки (французский, итальянский, испанский, румынский и друг.), то мы не должны объяснять все факты данных языков с помощью только латинского языка, который, по мнению индоевропеистов, является общим предком для этих языков, а с помощью привлечения других существовавших языков на данной территории, как-то: гальского, баскского и др., — в результате скрещения которых с латинским языком появились романские языки, потому что разница между самими романскими языками может быть объяснена наличием существовавшего ранее на этой территории большого количества более примитивных языков. С этой точки зрения можно сказать, что каждый язык в настоящее время представляет собою скрещение различных языковых систем, в результате которого мы имеем определенную систему к.-н. языка.

При сравнении языков между собою установленные фонетические принципы и видоизменения элементов играют большую роль, но не главную, так как сравнение языков яфетидологией

основывается не только на звуковых соответствиях, как это было в формальной индоевропейской лингвистике, но главным образом на семантике слов. Фонетические же законы играют дополнительную роль в качестве подтверждения основных выводов, сделанных на другом материале.

Яфетидология, как материалистическое учение об языке, строит свои выводы, основываясь именно на материальной стороне языка, т. е. на части его слов и значений, подкрепляя их установленными формальными фонетическими законами соответственных языков.

Глава V.

Семантика слов и палеонтология речи.

Само слово „семантика" означает — значение, следовательно, учение о семантике слов есть учение о значении слов.

В прежней индоевропейской теории словам и их значению уделялось мало внимания, а главное внимание было обращено на формы языка. Правда, иногда отдельные слова изучались с точки зрения их значения и связи с материальной культурой (Шухард), но это изучение не выливалось ни в какую систему и не имело принципиального характера.

Материалистическая лингвистика впервые установила необходимость изучения словарной (лексической) стороны языка, как основной части, базы, на которой строится изучение его внешней формальной стороны. Без учета семантики невозможно подходить к исследованию каких-либо языков. Начиная с 1920 года, Н. Я. Марр уделяет особое внимание семантике, и в настоящее время учение о семантике слов является краеугольным камнем всех яфетидологических изысканий. Необходимость изучения семантики объясняется тем, что именно в ней всего яснее отражается общественный строй человеческого общества, основанный на хозяйственно-экономических предпосылках. Но сам социальный строй изменялся в зависимости от этих последних, а вместе с ним изменялся запас слов и семантика их.

На ранних ступенях развития человеческое общество имело очень небольшой запас слов, нужный для осуществления коллективного труда, и потому каждое слово должно было иметь несколько значений. Такое явление в языке, когда одно слово обозначает много разных понятий, называется полисемантизмом или многозначимостью. Этот факт полисемантизма в настоящее время обнаруживается у менее развитых с формальной стороны языков, как, например, у китайского, адыгейского, абхазского и даже грузинского. В особенности в яфетических языках обнаруживается тот факт, когда одно слово выражало целый круг понятий или, по яфетидологической терминологии, целый пучок или гнездо близких друг к другу понятий. Причем близость самих понятий основывалась на единстве их производственных начал или на принципе аналогий, которые свойственны были дологическому мышле-

нию первобытного общества. Например в грузинском, да и врусском, мы имеем такие семантические пучки, как: рука-женщина-вода, т. е. все три понятия имели одно и то же звуковое выражение, выражались одним словом, потому что все они связывались одним производственным принципом: как рука играла основную роль в производстве в качестве орудия труда в первобытном обществе, так женщина выражала эту функцию в качестве производительницы в человеческом обществе, а вода — в природе.

По-грузински вода — ṫqal-ι, с потерей диффузности звуков „ṫq̈" и 3-й ступенью оззончения спиранта „к" — „qal-ι" — женщина; с подъемом „q̇" в экающей группе — „qel-ι" — рука.

В русском языке наличие этого семантического пучка отложилось в несколько дифференцированных уже понятиях 3 русских скрещенных слов:

ru-ka + re-ka + ru-sal-ka
(ру-ка) + (река) + (русалка)

одинаково имеющих одну и ту же основу „ru" и оформленных на „ka".

Другой пучок или гнездо, прослеживаемый во многих языках, строится на принципе не производственного начала, а аналогии, но не той аналогии, которая свойственна мышлению современного человеческого общества, а мышлению первобытного (общества) человека, когда весь мир например воспринимался им как проявление космических сил. Таков семантический пучок: небо — гора — голова в грузинском языке, сохранивший во многом свою недифференцированность в звуках и в форме, как-то: ṫaʳmˡ-ι — небо (существование 2-го элемента „m", теперь исчезнувшего, в грузинском слове „ṫa" подтверждается словом „sa-m-ι" — три, увязанного со словом „небо") при перестановке элементов и при падении ṫ в ϑ, получаем: m-ϑa — гора, при m = v, имеем ϑa-vι — голова.

Впоследствии, когда расширялся круг понятий, а следовательно и запас слов, каждое отдельное слово из пучка получало ряд дериватов, т. е. из него происходили другие слова не тождественные, но близкие по значению. Такой ряд слов, связанных между собою преемственностью изменения значения и одной общей основой, носит название семантического ряда в яфетидологии. Во всех языках устанавливаются такие семантические ряды.

Так, например, от слова „небо" мы имеем следующий семантический ряд: небо → солнце → круг → шар → мяч → колесо → арка → свод и т. д. Все эти слова связаны между собою по признаку округлости предметов и возводятся к своему источнику — слову „небо". С другой стороны мы имеем семантические ряды от „воды": вода → река → волна → источник → колодец → журчать и т. д., как связанные между собою проявлением одной и той же космической силы природы.

Каждой эпохе социального развития общества соответствовало и определенное мышление, которое отражалось в семантике и развитии семантических рядов. Поэтому как семантика слов, так и устанавливаемые семантические ряды, изменялись в соответствии с изменением социального строя,— правда, значительного запаздывая и отставая от него. Вот почему в языках, достигших высшей степени развития, например в флективных, прометеидских языках, устанавливаемые семантические ряды сохранились только пережиточно и не в полном их виде; напротив, в яфетических языках они обнаруживаются с большей очевидностью и полнотой.

Установление факта изменения семантики требует особого подхода при изучении ее, так называемого палеонтологического или диахронического подхода, при котором явления семантики рассматриваются не в их статическом современном состоянии, а в процессе их диалектического развития. Этот палеонтологический или диахронический метод кладется материалистической лингвистикой в основу всех исследований в области языка.

Установлением семантических рядов не исчерпывается все учение о семантике слов. Для всестороннего ее исследования необходимо изучить самый процесс изменения значений в языке. Яфетидология вскрывает принципы этих изменений на основании самих фактов языка. Ею установлены три закона изменения значений. Основным принципом этих изменений является перемена роли называемого предмета в производстве. Другими словами, если в обществе появлялся новый предмет хозяйственного использования, то для наименования его брался термин того предмета, который он заменил. Значит, в основе переноса значений лежат одинаковые функции данных предметов в их хозяйственном использовании. Например, „рука" играла главную роль в качестве орудия труда в первобытном обществе. Когда же вместо руки начал употребляться камень, то название руки перешло на камень, который начал носить тождественное с ней наименование.

В баскском языке „al ← *hal"— рука, а „ar ← *har"— камень.

В армянском „kar" — камень, а „kal" означает „рука", в глаголе kal-num — я беру.

Этот перенос названий по функции прослеживается яфетидологией и в терминах, касающихся средств передвижения, когда, в связи с изменением природных условий и развитием материальной культуры, менялись животные, служащие для этих передвижений. В более отдаленную эпоху, связанную с ледниковыми периодами, функцию средства передвижения выполнял олень, затем собака и лошадь. Такая смена обнаруживается в языковых фактах, когда мы имеем: „ka-bal" (лат.) — лошадь в перебое √ „so-bal-ka" с усечен. „l"; „so-ba-ka" (рус.) ≻ so-mar-ı (баск.) — лошадь, по шипящей гр. „squ-ver" (мегр) — олень. Еще очевиднее

этот факт обнаруживается в адыгейском языке: где в абадзех. наречии:

шә — ha = олень,
шә = лошадь,
ha = собака.

Эта фунциональная семантика вскрывается и в не яфетических языках, например в греческом и латинском: после того как выяснилось, что название „хлебных злаков", да и „печеного хлеба", равно и „муки", получилось из названия „дуба-желудя", раньше заменявшего хлеб, стало ясно, что латинское pan + i s — хлеб своей основой „pan" в архетипе *paln, при сохранении первоначального тут полногласия (ибо термин скрещенный двухэлементный BC) — pal-an, представляет архетип и греческого „ƀal-an",[1] что значит „желудь, дуб".

Или русское слово „скот" в полной форме skol-o-t мы имеем в качестве названия народа скиф-сколот, а также в качестве названия денежной единицы „золото", в немецком „gold". В форме же „skot", „skottum" это слово сохранилось в англосаксонском языке и значит: деньги, подать. У римлян слово „skot" означало денежный подарек папе и, наконец, в латинском имеем: „pecuniae" — деньги, „pecus" — скот.

Это значит, что в ранние эпохи основой богатства и меновой стоимостью служил скот, который впоследствии был заменен золотом и деньгами вообще, в виду чего по функциональной семантике и название „skot" перешло на название денег.

Другим принципом изменения значения слов является перенос названия целого на его части; так, например, одним и тем же словом или с небольшими фонетическими разновидностями называлось и небо, и птицы, и перья в чувашском языке. Исходя из этого принципа, мы будем иметь тоже целые семантические ряды, как например: небо — облако — туман, как мы это имеем в разных языках: русское „не-бо" — небо, греческое „ne-φel-e" — облако, латинское ne-ƀul-a — туман; или: вода — дождь — рыба, как, например, в китайском „шау" — вода, „уй" — дождь, „уй" — рыба, в абхазском a-dә — вода, a-φs$_1$ә-d — рыба; второе слово двухэлементное, скрещенное, каждый элемент которого означает „вода", причем:

„φsә" = вода по-адыгейски
„a-dә" = вода по-абхазски.

На этом примере можно видеть такой тип скрещения, когда два равных однозначных слова в скрещении давали третье слово, не тождественное по значению с первыми, но близкое по значению, находящееся в одном семантическом ряду.

[1] Марр. Яфетическая теория. Стр. 28.

Третий принцип: перенос названия по сходству. Согласно этому последнему мы имеем семантические ряды, устанавливаемые по какому-нибудь сходному признаку между предметами: например, мы имеем ряд слов, связанных по форме округлости, как-то: небо → шар → круг → яйцо и т. д.; древне-чувашское слово:

„s_1u-mar“ — небо
„s_1ə-mar“ — круглый
„s_1ə-mar-ϑa“ — яйцо;

или другой семантический ряд: глаз → видеть → находить → перед (букв. на глазах), как например:

чувашское „kus$_1$“ — глаз

баскское „ι-kus-ι“ — видеть

чувашское „kur“ — видеть

грузинское „kur-ṫkal“ — слеза или букв. „вода“ (ṫkal), глаза (kur)

чувашское „u-m“ — перед, двухэлементное слово; первый элемент „u“, усеченный из „ur“, в закономерной разновидности r || [n] d̰ → d̰ → j встречаем в марийском языке в слове „uj-as“ — видеть, а второй элемент — усеченное слово „mal → bal“, что в коптском означает глаз; в абхазском „ḃa“ или „ḃə“ является основой глагола a-ḃa-rà → a-ḃə-ra — видеть. Следовательно, в конечном счете слово „перед“ возводится к слову „глаз“ — видеть и т. д.

В результате палеонтологического подхода к семантике и выявлении целой цепи существующих семантических рядов, оказалось возможным проводить сравнение между языками различных систем в их идеологической части (слов и значений), учитывая при этом не только их современное статическое состояние в этом отношении, но исследуя каждое явление семантического порядка в процессе его развития. Поэтому, при анализе и сравнении двух языков в их идеологической части, кладется в основу не принцип тождества слов в современном статическом их состоянии (например: слово „небо“ должно сравниваться обязательно тоже со словом „небо“ в латинском или греческом, если исходить из формального анализа), а принцип существования связи между сравниваемыми словами в одном и том же семантическом ряду в процессе развития семантики. Т.-е., мы можем сопоставлять такие слова двух разных языков, как „вода“ из одного языка с „рыбой“ из другого; небо и яйцо, перо — птица, солнце — свет, рука — сила и т. д.

Такой метод сопоставления языков различных сталий и систем дал возможность видеть всю перспективу жизни и развития языка, так называемый диахронический или палеонтологический разрез языка, благодаря чему стало возможным установить возникновение и развитие языка вообще.

Та часть лингвистики, которая изучает языковые явления в процессе их развития от древнейших периодов до современности, носит название палеонтологии речи по терминологии Н. Я. Марра.

Палеонтология речи разделяется на формальную и идеологическую, причем первая изучает и устанавливает изменение форм в языке, а вторая — развитие и изменение слов и их значений не только в истории, но и до истории. И как общество в своем развитии переживало определенные стадии, характеризуемые определенным производственным укладом с соответствующим ему социальным строем и мировоззрением, так и в языке мы имеем различные стадии, которые характеризуются с одной стороны идеологически: наличием определенного лексического запаса слов и семантикой, а с другой — формальной: наличием соответствующих форм в языке. Но первая сторона обусловливает в общем вторую; так, например, факт полисемантизма, т.-е. многозначимости в языке (факт идеологического порядка), определяет собою и формальный момент, а именно отсутствие форм в языке, аморфность и моносиллабизм — однослоговость. Ведь, в самом деле, если слово многозначно, то настоящее его значение можно определить только из контекста, т.-е. по тому месту, где оно стоит в предложении. В русском языке сама форма до известной степени определяет уже его принадлежность к известной части речи, как например окончание „а“ характеризует имена существительные женского рода, окончание „ый — ий“ — прилагательные и т. д. Ничего подобного нет в китайском языке, где например слово „i“ означает: держать, использовать, применять, посредством, с, согласно, для. Слово „цзин“ значит: цепь, правило, классическая книга, проходить и т. д. В каком значении употреблено данное слово, можно узнать только по его месту в предложении. Следовательно, полисемантизм определяет строй речи данного языка, который называется синтетическим или аморфным. Отсутствие формальных признаков говорит за то, что в данном языке существуют только корневые слова, а простейший вид корня — это сочетание согласного с гласным, т.-е. тип открытого слога, например: „gu“ — причина по кит., или закрытого: „gun“ — внук.

Это влияние содержания на форму языка прослеживается в языках древнейших систем, так как позднее мы наблюдаем и обратное влияние формы на содержание в языках более развитых систем. Так в русском языке самый тип корня слова (tet) и тип окончания—т. е. формы слова (е) создает благоприятные условия для большого количества отдельных звукосочетаний, что значительно увеличивает самый запас слов и дифференцирует значения.

Идеологическая или семантическая сторона языка яснее увязана с общественным строем, чем формальная, но и в последней до известной степени отразились те же ступени развития общества, как в первой, поскольку формальные элементы развились,

как мы указывали выше, из самостоятельных слов. В словах находят отражение те социальные отношения, которые существовали на определенной ступени развития общества. Так, в яфетических языках Кавказа, индоевропейских, а также в японском, мы находим общность терминов для понятия „брат“ и „сестра“:

по-грузински „dma“ — брат, „da“ — сестра
по-японски „an-i“ — старший брат
„ „an-e“ — старшая сестра
по-адыгейски qoə — сын
„ ç-qoə — дочь
лезгинское q-wa — сын
„ wa-q сестра и т. д.,

а также для понятий „мать“ „отец“, как например:

по-грузински — „ma-ma“ — отец
по-французски — „ma-man“ — мать
по-грузински — „de-da“ — мать
по-лезгински — „de-de“ — мать
по-чеченски — „da-da“ — папа, дедушка
по-русски — „de-d“ — дед.[1]

Этот факт говорит нам за то, что в более ранней эпохе, чем родовой строй, в обществе не было дифференциации по половому признаку, поскольку в самом хозяйстве не было разделения функции женщины и мужчины. Каждый член, будь то мужчина или женщина, являлся равноправным членом орды — коллектива — племени и т. д.

Другой лингвистический факт — развитость терминов родства по женской линии в некоторых языках (китайском, японском), а в абхазском употреблении суффикса „al“, выражающего женский род, для образования слов мужского рода, говорит нам за существование формы матриархата при родовом строе у этих народов.

Отсутствие различения в значении таких слов, как „верх“ и „низ“:

в грузинском „ϑa“ = верх, вверх,
„ϑa“ = низ, вниз;
„начало“ и „конец“: в адыгейском „pe“ = нос, начало,
„pe“ = устье, конец реки;
„огонь“ и „вода“: армянск. „hur“ = огонь,
баскск. „ur“ = вода,

свидетельствует нам о существовании эпохи в жизни общества, когда человеческое мышление еще находилось в диффузном дологическом состоянии.

[1] Н. Яковлев. „Термины родства в Северо-Кавказских яфетических языках“, стр. 161. „Ученые записки“ Института Народов Востока.

Все эти многочисленные примеры подтверждают основной принцип материалистической лингвистики о значении семантики и связи ее с материальной культурой общества при исследовании развития языка.

На основе изучения лингвистических явлений в их диахроническом или палеонтологическом разрезе, материалистической лингвистикой выработался и метод исследования, который называется палеонтологическим методом. К сущности и характеристике его мы перейдем в следующей главе.

Глава VI.

Метод материалистической лингвистики (яфетидологии).

Новое учение об языке переживало несколько этапов своего развития, пока не пришло под влиянием марксизма к правильной материалистической постановке учения об языке; в связи с этим изменялся и метод, постепенно освобождаясь от абстрактного формализма и подходя к конкретной материалистической диалектике. Овладение и сознательное применение диалектического метода к языковым явлениям, явится моментом создания марксисткой науки о языке. Наука об языке, как обществоведческая наука, должна пользоваться единственно правильным методом диалектического материализма.

Каковым же является метод материалистической лингвистики в настоящее время?

Для уяснения этого вопроса следует установить, во-первых, разницу между методом старой индоевропейской теории и методом нового учения об языке. Каковы основные характерные черты метода формально сравнительного и к каким результатам в отношении общих языковедных проблем приходят индоевропеисты, пользуясь этим методом?

Основным методом индоевропейского языкознания является сравнительно-исторический. В самом термине „сравнительно-исторический" указываются два характерных признака для этого метода: сравнение и историзм, но самый „историзм" должен пониматься в другом смысле, чем „историзм" в марксистском понимании, под чем подразумевается принцип всеобщей изменяемости. „Историзм" в индоевропейской лингвистике заключается в изучении изменений языковых явлений на основании письменных фиксированных памятников, относительно которых известна их хронологическая давность. Следовательно самым древнейшим языком является тот, который имеет древнейший письменный памятник с строго установленной хронологией; изучаться и сравниваться могут только те языки, которые имеют свою фиксированную хронологически историю. Причем само изменение языка прослеживается только со стороны изменения его звуков и форм в эволюционном порядке. Таким образом, изучение изменения

языка ограничивалось только его формальной стороной. Этим очень суживался самый объем понятия языка, одним из основных элементов которого являются не звуки и формы, а слова и значения.

В основе сравнительного метода лежит принцип сравнения не только письменных мертвых языков, но и их живых диалектов, и дальше — сравнение между группами языков, родственных по происхождению с точки зрения индоевропеистики. Цель такого исследования—установить существующие взаимоотношения между языками в области, главным образом, звуков и форм. Например, сравнительная грамматика индоевропейских языков устанавливает те соответствия форм и звуков, которые существуют внутри этой „семьи“ языков, при чем каждый язык рассматривается как единый целый организм с определенными установившимися языковыми нормами. Механическое понятие языка, как организма, давало возможность сравнивать отдельные языковые факты языка вне учета их связанности между собою.

В настоящее время мы рассматриваем язык не как организм, а как систему, в которой все части связаны между собою, и потому ни одно языковое явление не должно быть выхвачено и рассматриваемо вне связи его с другими языковыми явлениями. Так, например, нельзя базироваться на одном только изучении и сравнении звуков языков, потому что звуки—фонетика—являются одной только стороной понятия структуры языка, зависящей в свою очередь от морфологии, синтаксиса и т. д.

При сравнительном методе не учитывался этот момент связности всех элементов языка, и звуки или формы брались изолированно и сопоставлялись с такими же изолированными звуками и формами другого языка.

В результате такого исследования и сравнения устанавливались звуковые и морфологические соответствия между родственными языками. Эти соответствия, как нормы, устанавливались не только для данного состояния языков, но они прослеживались в отношении исторических эпох существования данных языков. Таким образом, устанавливалась историческая эволюция звуков и форм в пределах родственной группы языков.

Установление закономерных соответствий в кругу родственных языков, путем сравнительно-исторического подхода к ним, дало возможность индоевропейским ученым говорить о существовании в доистории общих празвуков, из которых уже в исторический период развились существующие дифференцированные звуки родственных языков. Предположение о празвуках выдвинуло теорию о существовании праязыка, лежащего в основе единой языковой „семьи“, а следовательно и пранарода. Восстановлением этого праязыка занимались многие индоевропейские лингвисты.

Таким образом, в результате применения сравнительного метода ученые пришли к идеалистическому и субъективному пони-

манию языка, как к проявлению одной из сторон единого начала, субъективного духа. Несостоятельность этого метода обнаруживается при детальном подходе к нему.

Во-первых, изучение письменных памятников какого-нибудь языка не может дать о нем полного представления, поскольку сам письменный документ не может охватить всех разнообразных явлений в данном языке, а кроме того в памятнике отражается язык только господствующего класса, так как грамотность и была привилегией высших слоев, но не простого народа; следовательно, в памятнике редко может отразиться тот язык, на котором говорили народные массы.

Далее древностью памятника не может характеризоваться и сама древность языка, потому что, как говорят нам сами факты языка, в живой разговорной речи сохраняется более древний строй речи, чем в письменности.

Изучение языков по письменным памятникам ограничивает круг исследования только теми высоко развитыми языками, которые имели свою письменную историю, и исключает изучение бесписьменных языков, благодаря чему сама общая наука об языке сводится к рамкам индоевропейской лингвистики.

Историческое изучение и сравнение языков с их фонетической стороны не даст полной картины развития самого языка, состоящего не только из одних звуков.

Самое предположение, вытекавшее из применения сравнительно-исторического метода, о том, что всякое фонетическое и морфологическое соответствие в языках может быть объяснено восхождением этих языков к одному предку в прошлом, совершенно неправильно, так как всякое такое соответствие может быть объяснено не только сближением в прошлом и расхождением в настоящем, а наоборот: расхождением в прежнее время и сближением в данную эпоху развития языков.

Само развитие звуков и форм в языках мыслилось, как эволюционное самопроизвольное развитие, вне связи с внутренними элементами языкового единства, а также связанности его с изменениями общественного строя.

Наконец, при применении сравнительно-исторического метода, исследовалось состояние языков только в историческую эпоху, тогда как проникновение вглубь за пределы ее считалось ненужным и неосновательным. Исследование заканчивалось на восстановлении единого праязыка или только установлении формальных соответствий между языками в историческую эпоху, совершенно не касаясь вопроса о развитии языка в предшествующие более ранние эпохи и исключая самую возможность разрешения проблемы о происхождении самого языка.

При помощи сравнительно-исторического метода охватывался только один период развития языка и то не в полном его объеме, почему этот метод не может называться действительно научным методом.

Метод материалистической лингвистики обратно противоположен методу индоевропейской лингвистики. Как само материалистическое учение об языке противоположно идеалистическим теориям, так и метод его является антитезой прежнему методу. Само новое учение об языке выросло в качестве противоположности в недрах индоевропейской теории и сам Н. Я. Марр в начале своих исследований применял сравнительно-исторический метод, когда он начал изучать древне-литературный грузинский и армянский язык. Но в процессе изучения самих лингвистических материалов этот метод оказался недостаточным для правильного понимания и отражения действительности, как она есть.

Метод материалистической лингвистики называется палеонтологическим. Это термин условный и недостаточно отражает самую сущность метода, так как исследование языков проводится не только в плоскости установлений их изменений в древний период — доисторический (самый термин „палеонтология" означает науку, исследующую животный и растительный мир, прошедших геологических периодов, и сохранившегося в виде ископаемых остатков), но и в историческую эпоху, вплоть до нашего времени, и дальше в будущем. Дело будущих марксистов-лингвистов изменить терминологию яфетидологии, которая характеризуется большой условностью. Пока же мы будем пользоваться термином „палеонтологический".

Материалистическая лингвистика считает, что основной предпосылкой для исследования языков является материалистический взгляд на самый язык. Это значит, что язык является продуктом общества и развивается согласно развитию культуры общества, переживая и отражая в себе в основном те этапы, которые проходило общество. Причем, так как развитие общества шло не эволюционным, н скачкообразным—революционным путем, то и развитие языка должно было носить тот же характер. Эти революционные изменения в языке, которыми характеризовались переходы языка из одной стадии в другую — из аморфной в агглютинативную, например, и т. д., в конечном счете увязываются материалистической лингвистикой со сдвигами в производстве. Это не надо понимать в упрощенно-механическом смысле, что если например в обществе появилось новое орудие труда, которое в корне изменило до тех пор существующий процесс производства, то сейчас же в языке должен был произойти тождественный сдвиг и язык должен был развиваться по совершенно иному пути. Язык является удаленной от базиса надстройкой и потому влияние ее на язык происходит через ряд промежуточных звеньев, так называемых опосредствований. Таким образом изменения в языке значительно запаздывают по отношению изменений, происходящих и в надстройках и базисе. Не надо также думать, что все изменения в языке происходят только от влияния иноязыкового внешнего социально-экономического фактора. При наличии такого ложного взгляда мы должны были бы отвергнуть

внутриязыковое развитие и изменение. Но сам язык подчиняется тем же принципам диалектического развития, как и все другие общественные явления, т. е. само развитие языка покоится на внутреннем процессе развития противоположностей, и внешний сдвиг в базе только ускоряет ход развития этих противоположностей в языке и доводит их до противоречий, которые разрешаются революционным путем перехода из количества в качество или обратно.

С этими основными предпосылками материалистическая лингвистика в настоящее время должна подходить к изучению языков.

В чем же заключается палеонтологический метод исследования материалистической лингвистики, и сближается ли он в этих основных предпосылках с марксистским? Материалистической лингвистикой самый язык исследуется со всех его сторон, а не только со стороны его форм или звуков, как это делала индоевропейская лингвистика, при чем исследованве всех элементов языка проводится не в их отрыве друг отдруга, а в их взаимной связи и обусловленности. С точки зрения матер. лингвистики нельзя изучать, например, фонетическую сторону языка без увязки ее с морфологией, синтаксисом и т. д. Таким образом, язык рассматривается не как организм, а как система. Но эта система не является системой только одного языка, а в нее входят системы других языков, так как мы знаем, что каждый язык представляет собою скрещение нескольких языков, как в семантике, так со стороны форм и звуков. Поэтому нельзя язык рассматривать в изоляции от других языков; необходимо привлекать к изучению не только родственные языки, а и неродственные, поскольку в языке имеется скрещение языков не только одинаковых типологий (напр., только флективных), но и разных, не родственных исследуемым.

Поэтому каждый язык должен как бы разбиваться на ряд слоев, каждый из которых может быть увязан с различными типологиями языков. Таким образом получается, что там, где у индоевропеистов существует одна сравнительная грамматика, должно быть несколько, как, например, у яфетических языков существует три сравнительных грамматики: одна—сравнительная грамматика яфетических языков (почти флективных) сибилянтной ветви, куда входят грузинский, мегрельский и чанский языки; другая—сравнительная грамматика более древней эпохи, местоименно-флективной (агглютинатив.), в которой местоименные частицы играют большую роль в склонении; сюда относятся лезгинский, чеченский, ингушский и отчасти адыгейский языки и, наконец, третья—сравнительняя грамматика аморфных языков, к которым принадлежит абхазский и частью адыгейский.

Но установлением связей одного языка с другими в данный период времени не исчерпывается исследование языков; этим занимались и индоевропеисты, когда строили свои сравнительные

синхронические грамматики. Для того чтобы познать язык в целом, надо охватить его в историческом аспекте, т. е. проследить все этапы его развития, начиная с самого древнего и кончая современным, причем увязать языковые факты с развитием мышления и материальной культуры общества. С этой точки зрения мы должны выйти за пределы письменной истории языка и углубиться в его, так называемый, палеонтологический период. Это углубление в изучение языка за пределами его исторического существования является новой формой подхода к языку со стороны материалистичесяой лингвистики в противоположность историческому методу исследования старой школы.

Палеонтологический метод вполне логично приводит к необходимости изучения генезиса языка; этот вопрос детально разрабатывается материалистической лингвистикой, тогда как для индоевропеистики он считался просто ненаучным.

Исследовать язык палеонтологическим методом—это значит проследить его развитие, начиная с древнейшей эпохи вплоть до настоящего момента, но всякое развитие языка характеризуется сменой определенных этапов или стадий, как и развитие общества изучается с точки зрения смены его формаций. Ведь каждая современная стадия языка, несомненно, впитывает в себя черты предшествующей стадии, которые в свою очередь впитали черты еще более ранней стадии. Все признаки предшествующих стадий находятся в подчиненном положении или в пережиточном состоянии в каждом языке, поэтому каждый язык должен рассматриваться не только со стороны его современной стадии, но и со стороны отложившихся в нем стадий более древнего периода. Поэтому, если мы возьмем язык, достигший флективной стадии, то в нем пережиточно будем находить стадии агглютинации и даже аморфности. Черты агглютинации, например, в русском языке сохранились в предлогах „от“, „при“ и т. д., когда мы одинаково употребляем их и для имен прилагательных, и для местоимений, и глаголов в предложении: „от стола“, „от печки“, „от него“, но и „от черного“ и „отводить“ (графическое написание предлога „от“ вместе с глаголом не меняет его роли). Даже аморфность прослеживается в русском языке на таком примере „дерево давит камень“, но и „камень давит дерево“, где взаимо: отношения между предметами, которые в рус. яз. выражаются обычно окончаниями слова, определяются местом их в предложени, а не формальным признаком.

Но самым основным положением материалистической лингвистики является то, что каждая стадия языкового развития увязывается ею, в свою очередь, с определенной стадией развития общества. Эта связь обнаруживается главным образом в семантике, благодаря чему центром исследования языка становится его содержание. Вот почему при сравнении языков лингвист-материалист базируется на семантике обоих языков в первую голову, а затем подкрепляет свои выводы сравнением их формальной стороны.

Само изучение семантики слов проводится в плоскости установления существующих семантических рядов, гнезд, пучков, их изменений и увязки их с предпосылками материальной культуры. Конечно, охватить и проследить весь лексический запас слов какого-нибудь языка невозможно, а потому следует проследить наиболее характеризующие его моменты, как-то: совокупность терминов и развитие семантики их в области производства, сельского хозяйства, продуктов питания, жилища и одежды человека, космических терминов и т. д.

Но этот палеонтологический подход к семантике должен также проводиться и в отношении исследования форм в языке. Ведь не только содержание языка изменилось, изменялись и сами формы его, причем сами формальные элементы когда-то были самостоятельными словами и связывались с определенным значением.

Н. Я. Марр, применяя этот палеонтологический метод к формам, выяснил их роль и значение в прошлом. Так, например, формальное выражение орудного падежа (творительного—в русс.) во многих языках оказалось увязанным со словом „рука". В грузинском „mt-er"— через, посредством, происходит от „qel"—рука, так как в архетипе слова „mt-er" будет „*mьr-her" или „mьr-hel", с подъемом „hel" будет „qel"— рука; первый же элемент „mьr" в акающей форме „mar" встречается как на ближнем Востоке (арабы), так и у американских индейцев, и означает тоже руку.

В японском языке орудный падеж выражается послелогом „de", который является озвонченной разновидностью слова te—рука.

Рука—первое орудие производства человеческого общества и потому она и лежит в основе последующих формальных образований орудного падежа.

Суффикс множественного числа возводится к самостоятельным словам: вместе, много, коллектив, как например: в грузинском показателем множественного числа является суффикс "eb", а в адыгейском „be" значит—„много". В японском множественное число выражается послелогом „domo < tomo", что значит „товарищ", „вместе"—следовательно, коллектив, племя и т. д.

Такой метод исследования приложим ко всем языкам мира, поскольку каждый из них является частью единого языкового процесса. При этом методе особенное внимание уделяется не только культурным языкам, но также и бесписьменным, поскольку они сохранили наиболее древний строй речи, ярче отражающий мировоззрение первобытного общества и его материальную культуру.

Таким образом, подходя с этим методом исследования к языкам, мы будем иметь картину развития каждого языка в вертикальном разрезе, с самого его начала до конца, причем каждый язык в таком разрезе будет связываться с целым рядом других

языков, поскольку в каждом из них отложились разнообразные ступени развития всего языкового процесса. Но, несмотря на разнообразие существующих стадий и систем, в каждом языке может быть выделена сумма признаков, преобладающая в данное время в нем. Этой преобладающей суммой признаков и должен характеризоваться тип языка в настоящее время; при установлении типологии языка берется не только сумма признаков одной из его сторон, как это делали индоевропеисты, когда классифицировали языки только по морфологическим признакам, но всех его сторон, как-то: лексики, семантики, синтаксиса, морфологии, фонетики. Одна и та же типология может быть у нескольких языков,—тогда они могут быть объединены в одну группу или систему языков. Системы эти располагаются в последовательном порядке по периодам их возникновения.

По материалам исследованных языков материалистическая лингвистика устанавливает четыре следующих системы языков:

I. Языки системы первичного периода, куда входят: 1) Китайский, 2) средне и дальне-африканские и 3) абхазский.

II. Языки систем вторичного периода: 1) Угро-финские, 2) турецкие, 3) монгольские.

III. Языки систем третичного периода: 1) Яфетические языки (грузинский, мегрельский, чанский), 2) хамитические языки (ближне-и дальне-африканские).

IV. Языки системы четвертичного периода: 1) Семитические языки, 2) прометеидские или так называемые индоевропейские языки.

Это—основные системы языков, но кроме них имеются языки промежуточного периода, как, например, армянские языки; один, древне-литературный, относится к переходной системе от третичного к четвертичному, а другой, живой—к системе вторичного и третичного периода. На той же ступени стоят иранские и кельтские языки. Адыгейский язык должен быть отнесен к переходной системе от первичного к вторичному периоду. Эта классификационная система может обнять все языки мира, без различия их родственности друг с другом. Дело будущего точно определить место каждого языка в этой системе, давая определенную характеристику не только основных систем, но и промежуточных типов, которые тоже могут различаться между собой.

В итоге такого метода исследований у нас получится стройная картина этапов развития всех языков, причем каждый язык в полном его объеме найдет себе отражение в этом едином фоне языкового процесса. Кроме того, установление внутренних связей между всеми этими системами и их переходными звеньями даст возможность в будущем до известной меры определить ход их развития и повлиять на него.

В конце концов мы видим, как метод палеонтологического анализа в основном подходит к методу диалектического матери-

ализма. В основе первого, как и второго, лежит принцип материалистического объяснения явлений, при чем развитие их объясняется развитием противоречий внутри их, которые в конечном счете снимают данную категорию явлений. Такое снятие характеризует каждую новую систему языка.

Для того чтобы палеонтологический метод окончательно сблизился с диалектическим методом марксизма, надо сознательно воспользоваться последним в применении к исследованию языковых явлений, потому что для правильного познания сущности диалектического развития языковых явлений к исследованию их должен быть применен диалектический метод.

Благодаря тому, что палеонтологический метод был выработан самим Н. Я. Марром в результате его лингвистических изысканий, он страдает дефектами, хотя бы в отношении переоценки факторов внешнего воздействия на язык за счет его внутреннего развития, недостаточного учета влияния формы языка на его содержание, в недостаточной конкретизации и учете специфических особенностей, присущих языкам индоевропейским, яфетическим и т. д., но в общем своем содержании он является несомненно не только материалистическим, но и приближающимся к диалектическо-материалистическому методу. Окончательное его снятие марксистским методом — задача лингвистов-марксистов в ближайшем будущем. Только сознательное применение научного метода диалектического материализма позволит нам построить уже не только материалистическую, но и марксисткую лингвистику.

Глава VII.

Происхождение языка.

Формальный метод индоевропейской лингвистики, исходящий из сравнения отдельных языковых фактов в исторический период и без причинной их связи и последовательности, исключал самую возможность постановки вопроса о происхождении языка. Поэтому проблема генезиса языка часто даже не рассматривается в старых курсах по общему языкознанию.

Зато для материалистической лингвистики вопросы происхождения языка и развития речи являются основными вопросами, без разрешения которых не может обойтись действительная наука об языке. В самом деле, как можно научно говорить о каком-нибудь объекте нашего изучения без того, чтобы не знать причин возникновения данного объекта? Так, например, для научного объяснения такой формы социальных отношений, как капитализм, необходимо знать, откуда и каким образом развилась эта форма, каковы эти причины, которые содействовали ее развитию. Не будем говорить уже о той колоссальной роли для науки о природе, которую сыграло установление причины и сущности возникновения таких явлений природы, как молния, ветер, сила воды и т д.

Определение причины возникновения какого-нибудь явления природы или общественного порядка дает нам возможность объяснить это явление на данной стадии его развития, а также процесс его будущего развития, что позволит нам до известной степени повлиять на направление этого процесса в будущем. Поэтому никакая действительная наука об языке не может уклониться от вопроса происхождения изучаемого ею объекта.

Нельзя, конечно, думать, что до возникновения материалистической лингвистики никто из ученых не интересовался генезисом языка. Им интересовались не только лингвисты, начиная с Гумбольдта и Штейнталя, но и историки первобытной культуры, психологи, филологи и т. д., но до сих пор нельзя найти у всех буржуазных ученых правильного разрешения этого вопроса.

Остановимся на более популярных теориях о происхождении языка у прежних лингвистов.

Основными теориями индоевропейской лингвистики являются следующие: естественная, божественная, подражательная, животная, договорная, трудовая.

Естественная теория о происхождении языка возникла еще до начала научного языкознания, т. е. до XIX века, а в XIX веке защитником ее являлся Беккер, развивающий эту теорию в своем сочинении „Organismus der Sprache". Эта теория заключается в том, что язык считается организмом, присущим человеку со дня его появления на свет. Язык дается человеку в готовом виде природой и служит основой для выражения мыслей. В этом взгляде основным дефектом является понимание языка, как факта природы, а не как факта социального порядка. Кроме того, изначальная данность языка человеку отсекает самый процесс развития языка до того момента и предполагает наличие чьей-то высшей воли в самом факте проявления языка. Если язык дается в уже сформировавшемся виде, то необходимо вытекает отсюда последствие, что кто-то его сформировал до этого момента. Но кто мог сформировать язык, как не бог или вообще какое-то высшее начало? Следовательно, теория естественная в конце концов должна привести к той же божественной теории, которой объяснялось происхождения всего мира.

Эта теория принимает несколько другие формы у позднейших индоевропеистов, как-то: Боппа, Шлейхера, Бругмана и др., которые стояли на точке зрения существования праязыка. Восстановление ими пракорней, праслов и в конечном счете праязыка и прародины сводится к признанию существования в древнейшую эпоху какого-то цельного сформированного языка, причем языка более развитого в формальном отношении, чем его потомки, так как в нем должны были отразиться все формальные особенности их. Отсюда только один шаг к признанию библейской легенды и воли бога в создании многообразия и происхождения языков.

Божественная теория, являясь вначале примитивным признанием легенды о создании мира, человека, а следовательно и языка единым богом, в дальнейшем получает своеобразные формы, проявляясь в учении В. Гумбольдта в его труде „О различии в строении человеческих языков и о его влиянии на духовное развитие человечества" (1836), в понимании происхождения и развития языка, как результата духовной деятельности человека, т. е. в основе этой теории лежала точка зрения субъективного идеализма, основанная на признании приоритета субъективного духа над материей. Но дух — это одна из разновидностей того же бога, не облеченная только в конкретный образ христианского или другого божества.

Основоположником звукоподражательной теории в индоевропейской лингвистики является Штейнталь, который в своем сочинении „Ursprung der Sprache" (1888 г.) стремится доказать, что человеческая речь произошла из ономатопоэтических слов, т. е.

тех слов, которые сходны в звуковом отношении с обозначаемым представлением. Так, с точки зрения этой теории русское слово „храп" является ономатопоэтическим, поскольку самое сочетание звуков данного слова связывается с определенным звуковым явлением, свойственным человеку при глубоком сне, явлением храпенья. На той же точке зрения происхождения речи из звукоподражательных слов — междометий — стоит наш русский лингвист Потебня.

Эта теория сводит человеческую речь к акту непроизвольного аффекционального действия, т. е. попросту превращает эту речь в животную. В этом отношении эти обе теории сходятся, так как и вторая из них — животная — предполагает развитие речи из животных звуков, т. е. звуков непроизвольных от сознания человека, приближающихся к простой чувственной рефлексии.

Такая трактовка о непроизвольности начальных звуков речи совершенно неправильна потому, что непроизвольный звук — это не звук языка. „В языке не звук, а фонема, отработанный человечеством членораздельный звук, сопровождаемый работой мозгового аппарата, раньше влиявшего в тех же целях на руку, звук, направляемый мышлением, как раньше направлялось им движение руки, жеста и мимика линейной речи"[1].

Во-вторых, при правильности подражательной теории, мы должны были бы иметь наибольшее количество ономатопоэтических слов в примитивных языках. На самом же деле мы видим обратное явление. В примитивных языках американских индейцев мы находим их очень мало, тогда как в высоко-развитом немецком языке мы имеем большое количество звукоподражательных слов.

Кроме того, как совершенно правильно замечает Н. Я. Марр: „при возникновении языка человек вовсе не располагал таким количеством слов, чтобы расточать их на осознанное звукоподражательное выражение тех или иных явлений. Самое явление, звукоподражательная природа многих слов, отнюдь нами не оспариваемая,— результат позднейшей эволюции в восприятии того или иного слова за звукоподражательное только потому, что говорящий привык сочетать данное слово с определенным предметом, имеющим, действительно, в природном своем проявлении звуковое отношение"[2].

Но материалистическая лингвистика не только теоретически разбивает подражательную теорию, но и практически: на основе самих лингвистических фактов, в результате их палеонтологического анализа, выяснена и сама сущность этих так называемых звукоподражательных слов, в основе которых лежит вовсе не простое подражание, а выражение действия, присущего самому предмету, характерный его признак. Так, например, если возьмем русское слово „ржать", грузинское „qvi—qvini"— тоже „ржать",

[1] Марр. — „О происхождении языка". П. Э. Р., стр. 319.
[2] „ Там же, стр. 313.

которые кажутся нам теперь звукоподражательными словами, то в их основе мы находим слово „лошадь“, поскольку „ржанье“ является природным свойством лошади. Русское слово „rjaϑ₁“ имеет основу „rj“, утерявшую свой гласный; полная форма этой основы „roj“ или „ruj“ без звонкости конечного шипящего и с закономерным чередованием r || l дают нам „lош“, то-есть основу русского слова „лош-адь“. То же самое грузинское слово „q̇vι—qvιn“ представляет удвоение основы qvιn; зная, что „vι“ в грузинском является раздвоением “o<—>u, будем иметь форму „qon <- -> qun“ с падением —„hon <- -> hun“, которая будет находиться как в скрещенном слове „ho-bun-e“, в полной форме „*hon-bun-e“, что в языке суоми означает „лошадь“; так в нескрещенном виде эту основу „hon“ мы имеем в русском „кон“—конь. В адыгейском языке имеем слово лошадь —„шә“, а щә—щә означает повелит. форму от глагола ржать.

Следовательно, грузинское, адыгейское и русское слова, означающие „ржать“, конечно, дают представление о звуках ржанья, но сами отнюдь в своем генезисе не отражают никаких звуков, ни в малейшей мере не звукоподражательны, а определяют ржанье, как „лошадиное“ или „конское действо“, буквально означая, да простится мне этот барбаризм, „конить“ или „лошадить“[1].

Договорная теория базируется на взгляде изобретения языка человеческим обществом путем договора. С первого взгляда эта теория довольно примитивна, потому что ее легко логически опровергнуть. В самом деле, как могло первобытное общество выработать коллективный договор в отношении употребления отдельных слов языка тогда, когда языка еще и не было по существу? Такой договор мог быть выработан только тогда, когда существовал уже самый объект договора.

Несмотря на кажущуюся нелепость этой теории, она продолжает существовать и в настоящее время на Западе, в так называемой социологической школе.

В книге Р. О. Шор „Язык и общество“, которая является „попыткой подвести итоги достижениям современной социальной теории языка“, по словам ее автора, договорная теория фигурирует, как одна из основных теорий социологической школы на Западе. Эта теория исходит из невозможности установить связь между знаком и значением современными западными лингвистами, которые на основе изучения языка приходят к той мысли, как пишет Шор, что „употребление того или иного языка в языковой общине, в принципе, основано на коллективной привычке, на условности, на общепринятом правиле; только это правило и заставляет употреблять один знак, а не другой, а отнюдь не их внутренняя значимость“—и дальше:

---

[1] Марр.— „О происхождении языка“. П. Э. Р., стр. 319.

„Знак, как мы видели выше, не мотивирован в его отношении к значению, с которым он не связан никакой естественной связью, но, являясь свободно (немотивированно) выбранным по отношению к представляемой им идее, знак по отношению к употребляющей его лингвистической общине не является свободным, он дается каждому члену ее извне, без возможности замены одного знака другим. Поэтому-то при всей невозможности понимания языка, как общественного договора, исследователи опять и опять приходят к этой мысли. Эту мысль внушает нам необычайно живое ощущение произвольности языкового знака“[1].

Мы видим из этого приведенного отрывка, что европейские ученые, несмотря на отрицательное отношение к договорной теории, приходят все-таки в конце концов к ней. Это основывается на невозможности другим путем разрешить проблему связи звука со значением, если при этом исходить из взгляда о первичности именно звуковой речи, а не какой-либо другой. Действительно, почему представление о чем-то твердом четырехугольном с 4-мя ножками связано со словом „стол“ в языке? Почему это слово не звучит иначе, и какое же слово появилось раньше: слово, например, „рука“ или слово „небо“ и т. д.?

Все это вопросы неразрешимы для индоевропейской лингвистики, стремящейся в пракорнях и прасловах найти происхождение того или другого слова; это сведение одного слова к другому слову, казалось бы и более древнему, все равно нам не поможет найти разгадку о происхождении языка вообще.

Найти правильное разрешение этой проблемы возможно только при учете не только лингвистических фактов, но предпосылок материальной культуры, которые существовали в примитивном обществе. На этот путь встала как-раз материалистическая лингвистика, благодаря чему ею выясняется не только проблема связи звука со значением, а и общая проблема происхождения языка в целом.

Трудовая теория—возникшая еще в конце 19 века и развитая в труде Людвига Нуаре „Роль орудия в развитии человека“[2] получила большую известность среди наших советских ученых. В частности, Богданов останавливается на ней в своей работе „Наука об общественном сознании“; кроме него на ней же базируются исследователи-историки развития общественных форм, как-то: Кулишер[3], Андреев[4] и т. д.

На первый взгляд эта теория кажется единственно правильной, поскольку она выводит происхождение речи из процесса труда. В этом отношении она казалась бы согласуется и подтверждает взгляд Энгельса на трудовое ее начало, когда он говорит: „Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная

[1] Р. Шор.— „Язык и общество“, стр. 141
[2] Прибой, 1925.
[3] Кулишер (Кычнев).—„Очерк развития общественных форм“.
[4] Андреев.—„История развития общественных форм“.

речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны мог постепенно превратиться в человеческий мозг"[1].

Эта теория совершенно правильно выдвигает труд в качестве основной предпосылки развития речи вообще, но она совершенно неверно изображает процесс происхождения слов и связи их со значением. В основном эта теория сводится к следующему:

В процессе коллективного труда люди издавали крики, так называемые трудовые крики, которые свойственны и теперь всякому работающему человеку; например, люди, тянущие что-нибудь, непроизвольно произносят „ух" и т. д. На основе этих криков и зародилась звуковая речь у человеческого общества, причем, так как эти крики были связаны с известным процессом труда, т. е. действием, то и первые слова должны были отображать какое-нибудь действие, т. е. первые слова были глаголы: тянуть, колоть, рубить и т. д. Следовательно с точки зрения этой теории человеческая речь возникла из непроизвольных трудовых криков и в основе ее первоначальных слов лежало действие — глаголы. Уже самый момент непроизвольности звуков речи неправилен, как мы видели раньше, поскольку язык есть сознательное создание общественности, чем он и отличается от криков животных.

Другое положение о первоначальности таких форм слов, как глагол, тоже не может быть оправдано фактами самого языка. Во-первых, во многих примитивных языках мы вовсе не наблюдаем разницы между глаголом, именем и т. д., как например: в китайском, адыгейском, отчасти японском и даже грузинском, как это показала нам материалистическая лингвистика; напротив, в основах глаголов лежит имя, т. е. какой-то образ — предмет, а не действие.

Кроме того, даже теперь в собственно яфетических языках такая форма, как глагол, не носит отвлеченного характера какого-то действия вообще, а конкретного действия, направленного на какой нибудь — объект, в чью-нибудь пользу и т. д. Эта конкретизация глаголов отразилась в так называемом объективном строе их спряжения. Это означает, что действие не может быть выражено отвлеченно в пространстве, но оно должно быть конкретизировано и направлением, и местом, и объектом самого действия.

Например, в русском языке мы говорим: я пишу; в грузинском языке надо обязательно сказать — для кого пишу, в чью пользу, где, что пишу и т. д., причем этот объект действия или место выражается не отдельным именем. а префиксом при глаголе, например: „v-s-ter" (всц'ер) по-грузински является объективным строем спряжения глагола „писать", где субъективный префиск „v" означает личное местоимение — субъект, „я"; а объективным префиксом будет „s", который означает объект,

---

[1] Энгельс.—„Труд, как фактор эволюции в процессе развития от обезьяны к человеку". Сб. ист. матер.—Адоратский и Удальцов, стр. 417.

т. е. „кому-либо“ или „что-либо“; по-русски мы переведем это предложение абсолютной формой: „я пишу“, тогда как в действительности она означает: „я кому-нибудь (или что-нибудь) пишу“. Правда в грузинском языке также может быть употреблена и абсолютная форма глагола, т. е. объективный префикс может исчезнуть, и можно сказать просто: „v-ṫer“—„я пишу“. Но если при глаголе имеется прямое дополнение, то должна быть употреблена только объективная форма глагола, как например: я пишу письмо, по-грузински надо выразить так: „v-s-ṫer ṫerdsa“ т. е. „я—(что-либо) пишу письмо“, а нельзя сказать отвлеченно, поставив глагол в абсолютной форме, т. е.: „v-ṫer ṫerdsa“, без объективного префикса „s“.

Такими же префиксами выражается и место действия, и в чью пользу оно совершается. Например:

По-грузински: „v-u-ṫer“—я (v) для него (u) пишу (ṫer).
„v-a-ṫer“—я (v) на нем (a) пишу (ṫer).

По-адыгейски: „să-ϑhə“—я (să) пишу (ϑhə)
„fă-să-ϑhə“—для него (fă) я (să) пишу (ϑhə).
„ϑyə-să-ϑhə“—на нем (ϑyə) я (să) пишу (ϑhə).

Кроме того, в грузинских глаголах должно быть обязательно выражено и направление действия. Нельзя сказать просто „он идет“, а надо обязательно сказать „он идет сюда или туда“. Так, например, в грузинском языке говорят: „mo-di-s“ (сюда) он идет, „mi-di-s“ (туда) он идет. То же самое имеем и в адыгейском, где:

„qă-ko“—сюда иди
„ne-ko“—туда идем.

Эти факты говорят за то, что человеческое общество на первых ступенях своего развития обладало конкретным, а не абстрактным мышлением.

С другой стороны, отсутствие резкого разграничения между глаголом и именем, которое в свою очередь может спрягаться, как, например, мы это имеем в мордовском языке, да и в грузинском и адыгейском, приводит нас к заключению не о существовании отдельной первоначальной формы глагола, а о наличии какой-то единой, слитной, еще неразложимой в ту эпоху, части речи, которую можно назвать общей частью речи. В этой общей части речи скорее отражался образ, чем действие, потому что у примитивного человека было развито конкретное, а не абстрактное мышление.

„Словом, был момент, длинный период, многие эпохи, когда не было особой категории глаголов, были имена,—те имена, которые впоследствии стали известны в грамматике под названием

имен существительных и прилагательных, раньше также не различавшихся, так как первоначально в реальности были имена — представления, как бы знамения, дававшие представление, образ предмета, а не понятие, состав и действие или состояние его“ [1].

То-есть, то, что выражал тогда человек звуками, не было еще словом в смысле принадлежности его к какой-нибудь категории имен или глаголов, а каким-то сложным звуковым комплексом, совмещавшем в себе и образ и действие, потому что появление имени неразрывно должно быть связано с появлением его противоположности — глагола.

Далее, если даже появляется глагол, то он неразрывно связывается с именем, путем хотя бы одних и тех же префиксов. Как у имени, так и глагола, как например в абхазском, местоименный элемент „ι“ в глаголе выражает дополнение, в имени — определение. „На этом общем всем языкам доисторическом состоянии речи и обосновано то, что в яфетических языках глаголы и имена имеют общие окончания, — так, множественное число в глаголах выражается теми же элементами, что в именах“ [2].

Исходя из всех этих фактов, мы должны признать неправильность теоретических выводов трудовой теории в отношении происхождения отдельных слов.

Кроме того и эта теория не может объяснить связи языка со значением; почему же, например, основные глаголы: тянуть, рубить и т. д. не связаны в отношении корня с теми же самыми трудовыми междометиями „ух“, „трах“ и т. д. во всех языках?

Эта теория страдает теми же недостатками, как и предыдущие, потому что невозможно установить связь звука и знака, исходя из взгляда на первичность звуковой речи. Эта предпосылка никогда не может нам дать правильного понимания того, почему, например, вид того или иного предмета создал соответственную реакцию в мыслительном аппарате человека в виде отдельного комплекса звуков.

На связь мысли со словом обратил внимание еще немецкий психолог Вундт, который в своем труде „Völkerphsychologie“ (1904), в первом его томе „Die Sprache“, высказывает такую мысль, что язык первоначально должен был проявляться не в звуках, а жестах, потому что мышление у первобытного человека прежде всего отражалось в рефлексах двигательного характера, тем более, что человек тогда не обладал достаточно подготовленным аппаратом для произнесения отдельных звуков, да и запаса слов у него не было, чтобы выражать все те образы, которые возникали у него.

Но Вундт, высказывая эту правильную мысль, не развивает ее дальше и не ищет, главное, предпосылок для объяснения происхождения самой звуковой речи и дальнейшего развития ее.

---

[1] Марр.—„О происхождении языка“. П. Э. Р., стр. 306.
[2] Там же, стр. 307.

При разрешении такой громадной социологической проблемы, как происхождение языка, для нас важна не только первобытная психология, но и первобытная культура, оправдывающая ее. Живым свидетелем в этом вопросе является и сам язык, который сохранил в своей семантике и строе речи — строй мышления первобытного человека и отразил процесс происхождения слов и развития зуковой речи.

Материалистическая лингвистика на основе данных материальной культуры, а также мышления и языка, выдвигает положение о первоначальности не звуковой, а кинетической, т.-е. ручной речи. Только при таком взгляде можно объяснить связь знака языка со значением. Этим знаком языка была первоначально рука, посредством которой сообщались друг с другом члены первобытного коллектива. „Первая человеческая речь — не звуковая. Она не только не была звуковой, но и не могла быть, так как первобытное человечество осознавало и воспринимало окружающий мир в образах, для передачи которых звуки не годились бы и в том случае. если бы они были в его распоряжении, между тем они не были еще приспособлены. Действительно, первобытный человек, не владевший членораздельной звуковой речью, был рад как-либо указать или показать предмет, и для этого он располагал особым приспособленным в этих целях инструментом, — рукой, так отличающей человека от остального мира животных."[1]

В настоящее время некоторые отсталые племена пользуются такой линейной или кинетической речью, посредством которой они могут выразить до 18 понятий. Факт развитости линейной речи у всех первобытных обществ приводится известным французским ученым Lévy-Bruhl'ем. В Австралии, например, вдовы племени „Warramunga" после смерти мужей в продолжении года должны говорить только языком жестов.

Ручной язык, конечно, является более примитивным, чем звуковой, но и он, в свою очередь, не является чем-то непроизвольным, что свойственно животным. Ведь для того, чтобы выразить рукой какое-нибудь понятие, требовался какой-то навык и осознанность этого жеста всем коллективом. То-есть „ручной язык предполагает технически развитость регулирующего мозгового аппарата и связь с ним, идеологически — общественность, хотя и примитивную, и ее отражение в образах, указывавшихся рукой с дополнительной линейной изобразительностью посредством лица, мимикой."[2]

Этот процесс развития кинетической речи продолжался сотни тысяч лет и имел предпосылкой своего развития трудовой процесс. „Сотни тысяч лет, в истории земли имеющие не большее значение, чем секунда в жизни человека, — наверное протекли

---

[1] Марр. — „Происхождение языка". П. Э. Р., стр. 321.
[2] Там же, стр. 323.

прежде, чем возникло человеческое общество из стаи карабкающихся по деревьям обезьян",— говорит Энгельс.[1]

Но для того, чтобы возникнуть человеческому обществу, потребовался громадный период времени существования получеловека-полуобезьяны с предшествующей кинетической речью. Процесс очеловечения обезьяны происходил под влиянием труда, одновременно с которым развивалась и звуковая речь. Последняя характеризует собою окончательный переход от обезьяны к человеку.

На промежуточной же ступени от обезьяны к человеку мы застаем еще кинетическую речь, которая и была только свойственна тому трудовому процессу, который осуществлялся „без искусственного орудия производства, но с искусственным использованием натуральных преметов производства окружающей физической среды".[2]

Использование же натуральных орудий могло быть осуществлено только рукой, которая к тому времени отделила свои функции от ног. Рука же явилась организующим началом и мыслительного аппарата человеческого общества, потому что „она была только одним из членов целого, необычайно сложного организма. И то, что шло на пользу руке, шло также на пользу всему телу, которому она служила в двояком отношении".[3]

Следовательно, предшественницей звуковой речи была речь кинетическая. Подтверждением этому служат сами лингвистические факты. Материалистическая лингвистика установила, что в целом ряде яфетических языков, а также и прометеидских, в основах многих слов, связанных, казалось бы, со звуковой стороной речи, лежит слово „рука". Так, например, в основах глаголов: говорить, язык, речь, звать — в разных языках, которые увязываются только как-будто бы с членораздельной звуковой речью, мы имеем слово „рука". Это значит, что та роль руки, которую она играла в кинетической речи, была перенесена позже на звуковую речь, воспринявшую наследственно все достижения линейного языка.

Возьмем несколько примеров из разных языков. Грузинское слово „mr-me-tkvel-i" означает „говорящий", а говорит — „i-tkvi-s". Основа слова „говорить" будет „tkv", которое в падении „k", и разложении „v" на „o ←→ u" даст „tko ←→ tku" с африкативностью начального звука „t", т.-е. в его подъеме будет: „tku → sku". Эта основа „sku" имеет значение: говорить по-скифски, встречаясь сама в слове „sku-ta, skol-o-t", т.-е. — скиф. Отвлеченного понятия

[1] В. Энгельс. „Труд, как фактор эволюции в процессе развития обезьяны к человеку". Сб. Исторический материализм, сост. Адоратским и Удальцовым, стр. 418.

[2] Марр.— Яфетическая теория, стр. 89.

[3] В. Энгельс.— „Труд, как фактор эволюции в процессе развития от обезьяны к человеку", стр. 414.

„говорить" в первобытном обществе не существовало, а самое говорение являлось как-бы природным свойством данного племенного коллектива. Таким образом, название племени являлось основой слова, которое выражало понятие „говорить". Поэтому основа „sku" в слове „скифит" значила, что данный коллектив или отдельный член его говорит по-скифски.

Но грузинский термин „pir-me-tkvels" характерен тем, что он углубляет самое понятие говорить словом „pir", которое стоит впереди и означает: рот, уста, лицо, т.-е. дословный перевод всего этого термина будет „лицом" или „устами говорящий" (скифящий), что указывает на существование мимической речи, которая перешла затем в более совершенную ручную речь.[1]

Русское слово „сказать" в основе имеет „kaz < kas" в переборе „kar", что по-армянски означает „сила", но по палеонтологии речи знаем, что сила — это понятие, производное от руки, и то, что это слово именно означало и руку, подтверждается грузинским языком, где „e-kar-eb-a" — прикасается к нему, т.-е. буквально — „ручит" (т.-е. трогает рукой).

Само русское слово „речь", „изрекать", украинское „річ", не только связывается по значению с яфетическими языками, как со сванским „reqw" — он сказал, и древне-литературным грузинским „rqua" — он сказал, получившимся из „ruq", в силу свойства грузинского языка согласные скоплять в начале слова[2], но все эти слова, оказываются, имеют в своей основе одно и то же слово „рука". В русском языке существует закономерное чередование согласных „k || r" с соответствующими чередованиями и гласных „e || u", как это видим в словах „река || ручей"; следовательно, слово „речь" является одной из закономерных разновидностей слова „рука".

Но казалось бы украинское слово „мова" совершенно не увязывается со значением „руки". Это только при поверхностном и формальном подходе. Палеонтологическое исследование этого термина дает нам увязку этого слова в конечном счете с рукой. Проанализируем его палеонтологическим методом.

Слово „мова" — скрещение двух разновидностей одного и того же элемента (B). В полной форме оно будет: „mol-var", т.-е. первый элемент с огласовкой шипящей группы; по свистящей акающей группе этот элемент „mol" в законном чередовании „o || a" и „l || r" дает нам „mar", в усечении „ma", что имеем в основе украинского слова „ма-е" — говорит. Элемент „mar" в подъеме „bar" означает по-армянски — „слово", откуда „bar-bar" — язык; в грузинском этот элемент встречается в скрещенном слове „sa-u-bar" — беседа, „u-bar" — не говорящий и „la-par-ak-i" — раз-

[1] Марр.— Происхождение языка, П. Э. Р., стр. 322.

[2] Марр.— „Яфетические зори на украинском хуторе". Ученые записки Н.-И. Института народ. Востока., стр. 59.

говор, беседа. В русском языке элемент „bar“ с усечением „r“ дает „ba“, что является основой глагола „ба-ить“.[1]

Но все это — разновидности элемента „mar || var“, который, как на семитическом Востоке, так и на Западе у американских индейцев, имеет значение „рука“. В адыгейском языке „γa“— рука, „γa“— говори; в основе глаголов: брать, трогать, иметь — собственно, держать в руке, мы видим ту же самую „руку“.

По-адыгейски: „ye - γa“— он трогает
„ye - γ“ — он имеет
„γa - θə — подними.

Что раньше „рука“ лежала в основе глаголов: звать, манить и т. д., в адыгейском языке об этом свидетельствует префикс, указывающий на направление к лицу говорящему — „сюда“. Этот префикс „qa“[2] — сюда, ко мне, в закономерном соответствии в одном из наречий нижне-черкесского языка — старо-хакучинском — будет „ka“, что означает „рука“, т.-е. зов; мановение выражалось раньше с помощью руки, которая затем и легла в основу префикса „qa“.

Следовательно, глаголы: говорить, речь, слово,— в разных языках сводятся в конце концов к „руке“ и лишний раз подтверждают факт существования кинетической речи в первобытном обществе. На название самого языка переносилось название того предмета, функцию которого начал выполнять теперь язык; и так как в основе была ручная речь и функцию языка выполняла рука, то затем с развитием звуковой речи название руки перенеслось на название языка. Но не только название языка, но и самого действия, свойственного как-будто именно звуковой речи, в глаголе: звать, позвать, — оказывается, происходит от „руки“.

В грузинском древне-литературном языке „u-toda“ означает не только „позвал“, „назвал его“, но и „протянул ему“. Основа этого глагола „tod““ в оглушении и подъеме исходного согласного „d“ дает нам первоначальную форму „tot ←→ tut“ или в падении — „tot ←→ tut“, что имеем в тат. „tut“— хватать, чван. „tut“— держать и в грузинском „tot“— рука, лапа.

Мегрельское слово „tan-aφ-a“ — звать, приглашать. Основа „tan“ в шипящем языке, в свистящем должна была закономерно измениться в „ten“, с озвончением африкаты „t“ мы должны были бы иметь „den“; в армянском языке, как гибридном, мы имеем

[1] Марр.—„Яфетические зори на украинском хуторе“, стр. 57.
[2] Черта внизу под буквой означает, что звук смычно-гортанный.

не эту закономерную основу, а основу с огласовкой шипящей группы в виде „dayn-ι“—зов, голос; в адыгейском „den“—звать, в самом же грузинском это „ten“ или „tan“ в падении „tan —> θan“ сохранилось в значении „около“, „вблизи“, „бок“, а слово „бок—сторона“ по палеонтологии речи восходит к „руке“. То же самое и немецкое „an“—около—является усечением слова „hand“—рука.

Но этот же элемент „tan“ с губной огласовкой с одной стороны дает нам „ton <—> tun“, что имеется в основе английского слова „ton-gue“—язык, а с другой стороны в спирантной ветви он должен был звучать как „ken <—> kιn“, так как если в языках сибилянтной ветви имеем „t“, то в языках спирантной ветви это „t“ перебивается в „к“.

Элемент „kιn“ находим в армянском языке в значении „раз“, тоже производном от „руки“, а в грузинском этот элемент с усечением начального „к“ будет „ιn <—> en“, что имеем в грузинском слове „en-a“— язык.

Следовательно, в основе слова „звать“ лежит вовсе не звук голоса, а движение руки, которым и выражалось данное понятие.

Рука, как первое орудие производства, отразилась и в названии „камня“ и „топора“ и „ножа“, которые заменили функционально руку. Но и позднейшие отвлеченные понятия, как например: разум-душа, тоже, оказывается, сохраняют в своей основе слово рука, потому что, если в начале рука была основным признаком, отличающим человека от животных, то впоследствии это отличительное свойство было перенесено на душу.

Армянское слово „and-ən“—душа в архетипе „*hand-ən“ и в падении „d —> d“ дает нам „hand-ən“, первый элемент которого „hand“ означает „рука“ по-немецки. Связь же этих слов в самом армянском языке ясна из глагола „and-ən-el“, что значит „в-руч-ать“, которое само по себе является производным от „руки“, как это видно и из русского языка.

Армянское слово „han-tar“ означает „разум“. Слово скрещенное двухэлементное. Первый элемент мы уже видели в немецком в значении руки „hand“, а второй—„tar“—в падении „tar“ имеем в грузинском в значении: рукоять, ручка; с перебоем „t“ в „k“ имеем в самом армянском слове „kar“—сила.[1]

Означенные примеры можно было продолжить до бесконечности, но и приведенных лингвистических фактов достаточно, чтобы установить первоначальность кинетической речи. „Работающая рука была организующим началом, был ручной разум. Звуки не играли в процессе ручного говоренья никакой роли, если исключить разве выкрики аффекта, но эти выкрики не были еще тогда вовсе членораздельные звуки“.[2]

---

[1] Марр.— Яфетическая теория, стр. 93,96.
[2] Марр.— Яфетическая теория, стр. 100.

Линейная или ручная речь была удобна для первобытного общества, потому что она была доступна для понимания не только данного коллектива, но и других коллективов, но она имела один большой дефект: она была неприменима в ночное время, и ею невозможно было выражать отвлеченные понятия.

Каким же образом, под влиянием чего совершился переход от кинетической к звуковой речи? Было ли это простой эволюцией, когда рука была заменена голосовым аппаратом, или нет?

На это материалистическая лингвистика отвечает, что „при всей связанности звуковой речи преемственно с кинетической появление звуковой речи было революцией. Громадно революционное значение замены „руки" и „глаза" аппаратом, целиком сосредоточенным в головной части тела, в непосредственной связи с мозгом, в его окружении — с полостью рта и ушами".[1]

Появление звуковой речи, конечно, означало громадный революционный сдвиг в мышлении первобытного общества, когда центр тяжести должен был лежать уже не в руке, а в мозгу. Передача мысли жестом — наиболее примитивный способ выражения, который не требует особенно развитого мозгового аппарата и мог осуществляться в значительной мере под влиянием условных рефлексов. Кроме того, в кинетической речи рука — орудие производства и воплощение самой речи. В звуковой речи эти функции разделены, потому что язык и аппарат звукопроизводительства — одно, дело, а сами звуки — другое дело. Ведь для того, чтобы мысль нашла свое выражение в звуках, должен быть пройден гораздо более сложный процесс в мыслительном аппарате человека, чем при кинетической речи, потому что самый процесс производства и орудие производства отделены уже в последней.

Следовательно, звуковая речь требовала более сложного мозгового аппарата, который мог образоваться только под влиянием каких-то социально-экономических сдвигов в тогдашнем коллективе, положивших начало развитого человеческого общества в отличие от стада обезьян. Но характерный признак человеческого общества, отличающий его от стаи обезьян, лежит в труде, говорит Энгельс, причем самый процесс труда в собственном смысле этого слова, начинается с момента изготовления орудий. Создание искусственных орудий кладет резкую границу между обезьяной и человеком, потому что, как говорит Энгельс в том же своем труде — „ни одна обезьянья рука не изготовила когда либо хотя бы самого грубого кремневого ножа".

Этот момент перехода от использованья естественных орудий производства в виде камней и палок при потребности, например, утоления голода у обезьян, когда они сбивают камнями орехи или убивают мелких животных, к моменту создания и использования искусственных орудий труда является громадным революци-

[1] Там же, стр. 96.

онным сдвигом в хозяйстве тогдашнего общества, который должен был отразиться несомненно на мышлении предшественников человека, которое, в свою очередь, повлияло на развитие звуковой речи.

„Что это объяснение развития языка из процессов труда и параллельно им является единственно верным, доказывает сравнение с животными", говорит Энгельс. „То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобства от неуменья говорить или не понимать человеческую речь".[1]

К этому можно добавить, что возникновение звуков вовсе не являлось потребностью общения членов общества, поскольку у них имелся уже ручной язык; это возникновение поэтому можно найти только в труде над изготовлением искусственных орудий, когда рука была занята производством, и функции ее, как орудия речи, должны были быть перенесены в другой аппарат, а именно — в глотку. Ведь, в самом деле, когда обезьяны перестали пользоваться руками при передвижении по земле, то руки освободились для того, чтобы ими начали пользоваться, как орудием добычи пищи, постройки гнезда, а также для сообщения друг с другом; но когда руки стали заняты производством орудий, тогда их функции перешли в голосовой аппарат.

Изготовление орудий человеческим обществом является вполне уже сознательным коллективным трудовым процессом, благодаря чему и возникшая на его основе звуковая речь имеет осознанный характер. Вот почему теория Нуаре о происхождении звуковой речи из непроизвольных криков при моменте труда является неправильной. Материалистическая лингвистика не отрицает того, что при совместном труде люди очень часто издавали так называемые трудовые крики, которые, благодаря своей ритмичности, должны были им помогать в их работе; но не из этих непроизвольных криков развилась звуковая речь — она развилась из сознательного использования определенного звукового комплекса в отношении определенного круга предметов или явлений.

Поэтому теория Нуаре, правильно стоящая на точке зрения происхождения речи из факта труда, неправильно объясняет самый характер звуковой речи, как непроизвольный аффекциональный момент деятельности общества. Это в корне неправильно, потому что тогда и самый процес труда должен являться непроизвольным актом, свойственным не обязательно только человеческому обществу, а и обезьяньему, что противоречит марксистскому взгляду на основной признак, отличающий человека от обезьяны и кроющийся в труде.

---

[1] Энгельс. —„Труд, как фактор эволюции в процессе развития от обезьяны к человеку". Сб. ист. материал, состав. Адоратским и Удальцовым, стр. 416.

Следовательно, яфетидология утверждает, что звуковая речь является вполне сознательным актом деятельности общества, чем она отличается от животной речи. Самое же происхождение ее связывается с сознательным трудовым процессом, направленным на изготовление первых искусственных орудий производства.

Но каким образом появилось первое звуковое слово и что оно значило?

Яфетидология стремится дать ответ на этот вопрос на основе самих лингвистических материалов. Конечно, в полной мере осветить этот факт едва ли возможно за недостатком материальных данных, но все же некоторые моменты могут быть выявлены из самих языковых явлений, которые отражают дологическое мышление первобытного общества, благодаря чему мы можем судить, в свою очередь, о хозяйственно-общественных отношениях в тогдашнем обществе.

Яфетидология высказывает свою гипотезу на момент появления и развития звуковой речи следующим образом.

Труд в первобытном обществе не имел того характера, который он имеет сейчас. Самый процесс труда не является отдельным производственным процессом, дифференцированным от других областей человеческой деятельности, а он носил, напротив, слитный характер, при котором труд сочетался с магическими действиями. Эти магические действия являлись дополнением к производственному процессу в целях более успешного выполнения его, причем в понятие магического действия входили элементы пляски, музыки, пения и чародейственное движение рук, которое затем заменилось звуками речи.

Факт первоначальной слитности 3-х искусств: пения, музыки и танцев — отобразился в языке; в древне-грузинском, например, глагол „m̃gera" означал: петь, играть на инструменте и плясать; в русском то же явление пережиточно отразилось в простонародном выражении: „играть песни"; у хевсуров говорят про песню так: „vsӧqvab ҫerqisa", что значит буквально: „споем (песню) хороводной пляски"[2].

Говоря о пении в магических действиях, надо отметить, что оно не было связано со словами, как в настоящее время, а было бессловесным, так как звуки речи — слова — являлись самостоятельным и в то же время неразрывно связанным с другими 3-мя искусствами — четвертым элементом.

Существование такого бессловесного пения наблюдается и сейчас в западной Грузии у гурийцев, у древних армян, у корейцев и т. д., при чем у грузин к этой бессловесной песне имеются припевы, которые выражают собою обращение к высшему существу: тотему или богу. В этих обращениях и надо искать

---

[1] Энгельс.— Там же, стр. 416.

[2] Марр.—„Яфетические зори на украинском хуторе". Ученые записки Н.-И Ин-та нар. Вост., стр. 57.

связь звуковой речи с кинетической, по мнению яфетидологии. Факт использования вначале рук для этих магических действий сохраняется пережиточно в хоровой пляске у кавказских народов, которая сопровождается как музыкой, пением, так и хлопанием рук в сопровождении выкрика „taш'e", который является разновидностью слова „tar" в перебое „ш" в „r" и означает по-грузински: рукоять, ручка, откуда „tor"—горсть.

Кроме того, связь слова с колдовскими действиями отображается в языке армян, где глагол „ϑow-el", применяемый к слаганию или произнесению эпических произведений, означал „колдовать". Русское слово „qol-dun" в основе имеет „qol ←→ qul" и означает у восточных турок „руку", это отразилось и в русском слове „кул-ак"; в грузинском—„gal-ob-a"—петь, колдовать, в арабском „kal-a"—сказал, в чв. „ka"—говорить и т. д.

Таким образом, яфетидология приходит к следующим выводам. Звуковая речь произошла из производственно-магического процесса человеческого общества, причем когда это общество стояло уже сравнительно на высокой ступени развития, когда существовала магия. Причем звуки речи начали выполнять функцию руки в этом процессе, почему в основе первых звуковых комплексов лежит понятие „рука".

Первоначальная звуковая речь не была членораздельной. Вначале она проявлялась в виде криков, которые благодаря своей повторяемости оформились в звуковые комплексы, но и эти последние не представляли собою сочетания отдельных звуков, а диффузное слитное скопление их. Вначале эти звуковые комплексы не были еще элементами речи, поскольку они не были отделены от трудмагического действия, и только впоследствии, при выделении всех элементов этого процесса, эти звуковые комплексы становятся основами слов звуковой речи.

В этих высказанных положениях для нас важен момент установления яфетидологией нечленораздельности речи на первых ступенях ее развития. Этот момент оправдывается в настоящее время существованием целого ряда языков, в которых можно наблюдать это последовательное развитие от слитности к членораздельности.

Так, проф. Яковлев, который является одним из видных материалистов-лингвистов, прослеживает это постепенное развитие членимости речи в разных языках и устанавливает общую схему в следующем виде.

В начале звуковой речи был единый неразложимый комплекс—крик. Путем повторения этот крик выделяется в целое предложение, не разложимое еще на отдельные части речи, причем это предложение полисемантично, т. е. многозначимо: им обозначался целый круг понятий и предметов. Это—момент развития пучковых значений в яфетидологии. Язык целых предложений мы встречаем у ребенка, который одним каким-нибудь словом „ва"

или „ням“ выражает массу понятий о том, что он голоден, хочет пить, играть, спать и т. д. Вместе с осознанностью первобытным человеком отдельных предметов и явлений мира, появляется и дальнейшая членимость речи: из предложений выделяются слова; эти слова еще не имеют никаких формальных частей и отношения между предметами выражаются не их формами, а их положением в предложении. На такой ступени развития стоит указываемый нами уже китайский язык — язык аморфный, отчасти адыгейский и абхазский.

В дальнейшем из слов начинают выделяться значимые их части, т. е. корни. Слово, следовательно, на этой ступени развития речи является уже не цельным, а составным из двух имеющих самостоятельное значение корней. К этому типу речи принадлежат аморфно-агглютинативные языки, как, например, современный адыгейский, кабардинский.

В предыдущем типе из второй части слова начинают развиваться формальные части, так называемые афиксы, которые сначала представляют собою целый слог. Само слово уже состоит не из 2-х самостоятельных значимых элементов — корней, а из значимой части или корня плюс формальная часть. К такому типу относится японский язык агглютинативный, в котором существует только деление на слоги, но не на звуки.

Последний тип речи характеризуется наибольшей членимостью, когда из слога начинают выделяться отдельные звуки — фонемы. К этому типу относятся все флективные и стоящие на переходных ступенях к ним языки.

Таким образом, если исходить из общего признака членимости речи, то все языки можно разделить на следующие типы: 1) синтаксические, т. е. языки целых предложений; 2) семантические — языки отдельных слов или корней, 3) силлабические — языки слоговые; 4) фонематические — в которых наимельчайшим значимым элементом является фонема.

Конечно, эта схема требует еще дальнейшей проработки и уточнения самих типов языков, которые должны определяться не одним признаком, а целой суммой их. Эта работа и ведется проф. Яковлевым.

Правильность взглядов на членимость речи доказывается существованием различных форм письменности у народов, стоящих на разных ступенях развития культуры и языка.

Так, одной из древнейших форм письма была пиктография, т. е. письмо посредством рисунков на камне. Один рисунок выражал не одно слово, а целое предложение. Это письмо было свойственно языкам синтаксическим. Пиктографическое письмо легло в основу иероглифического письма в Китае.

Китайский язык принадлежит к корневому типу или семантическому, поэтому один иероглиф в китайском языке выражает одно корневое понятие; составное же слово из 2-х корней выражается двумя иероглифами; например „yung-hsin“ (юнсинь) озна-

чает „быть внимательным“ и состоит из корня „yung“—использовать, употреблять, и „hsin“—сердце.

Когда из корня начали выделяться слоги, которые реального значения уже не имели, а только формальное, то и письменность не могла оставаться в форме слитных корней, а должна была обратиться в слоговую или силлабическую форму, которую мы находим в японском и полинезийских языках.

И, наконец, с выделением отдельных звуков-фонем — они должны были получить отдельное начертание в виде букв.

Таковы теоретические положения яфетидологии, которые получают на практике себе доказательство. Этим положением опровергается теория Науре, которая основывала происхождение звуковой речи из отдельных членораздельных криков, легших в основу затем тоже членораздельных глаголов. Как видно из предыдущего, вначале не могло быть отдельных частей речи, а был звуковой, нечленимый комплекс, выражающий целое предложение.

Что касается тех элементов, так называемых A B C D или sal-ber-yon-rom, которые лежат в основе каждого языка, то объяснение их количества Н. Я. Марр видит в технике магического действия, состоящего, как мы уже прежде говорили, из пляски, музыки, пения и жеста руки, а затем звука речи. Эти жесты вначале были полисемантичны и потому их было достаточно для выражения того небольшого круга понятий и представлений, который имелся у первобытного общества.

Впоследствии эти элементы, становясь элементами речи, связывались сначала с определенным кругом понятий, и только значительно позднее произошла дифференциация их на отдельные слова, связанные уже с отдельным понятием. Об употреблении и развитии этих 4-х элементов Н. Я. Марр пишет так:

„Раз четыре элемента имеют совместное бытие с момента их материального возникновения в любой человеческой группировке, независимо от племенных по крови образований, еще не существовавших, до использования этих элементов, как звукового слова, то, во-первых, отпадает потребность в скрещении, чтобы объяснить их существование. Они изначально совместны. где бы ни был любой из них, там наличен другой, следовательно третий и четвертый“,— и дальше: „Четыре элемента, четыре магических звуковых комплекса имели силу лишь в определенном трудовом процессе; действовали, следовательно, все четыре вместе, и каждый из них имел то значение, долевое, что и все четыре вместе или каждый из остальных трех вместе. Тогда не было вовсе звуковой речи.

Если же говорить о словарном значении, то оно могло сводиться, следовательно, лишь к обозначению источника магии, впоследствии предмета культа — тотема, позднее бога, и этот предмет культа обозначался произношением всех четырех элементов вместе и каждого в частности, первично совместно с пляской,

пением и музыкой, но тогда не было еще никакой звуковой речи, была речь, но лишь кинетическая (т. е. линейная), она же ручная".[1]

С появлением звуковой речи не перестала существовать кинетическая. Вначале звуковая речь служила как бы дополнением к этой последней, как в настоящее время, напротив, жесты и мимика играют подсобную роль в звуковой речи. Вот почему кинетическая речь находит такое яркое отражение в современном словарном запасе языков. Рука играла громадную роль не только в производстве первобытного общества: она являлась средством магии, чародейственным орудием,— вот почему она лежит в основе всех терминов, связанных с магическим восприятием мира первобытным обществом. Связанность „руки" с предметом культа, тотем, богом нами уже приводилась на примерах. Она лежит в основе таких терминов как „na-tur-a" (натура) и „kul-tur-a" (культура), казалось бы не имеющих между собою ничего общего, поскольку здесь противопоставляется понятие „естественный— природа" — понятию „общественный — человек и его деятельность". Но в дологическом мышлении человека эти обе стороны не выделяются, поскольку и натура мыслилась им как создание чьей-то руки.

Совершенно основательно поэтому яфетидология уделяет так много внимания значению „руки" в первобытном обществе.

Что касается возникновения и наличия 4-х элементов речи, как это трактуется яфетидологией, то они не могут быть доказуемы, являются до известной степени гипотезой, благодаря очень отдаленной эпохе зарождения их, которая не поддается изучению пока. Для нас важно другое положение Н. Я. Марра, что в основе слов яфетических языков в настоящее время имеются 4 элемента, условно, названные „sal-ber-yon-roш" или A B C D. Это наличие 4-х элементов-основ, разновидностей всех слов фонетических типов прослеживается путем анализа Н. Я. Марром. С помощью этих фонетических разновидностей мы можем расчленять скрещенные слова на первичные элементы; т. е. формула A B C D является как бы техникой разложения слов при исследовательской работе над языками, и потому она для нас имеет большое значение.

Исходя из вышеизложенного, материалистическая лингвистика приходит к известным выводам в отношении характера звукового состава языка.

Язык звуковой на первой ступени своего развития представляет собою диффузные нечленимые комплексы; процесс языкового развития совершался одинаково в разных человеческих коллективах и исходил прежде всего из трудового начала. Там, где развивалось человеческое общество, там развивалась и звуковая речь, при чем эта звуковая речь, в основе подчинявшаяся произ-

[1] Марр. Яфетическая теория стр. 107.

водственному началу, разнообразилась по своим формам, в зависимости от различных условий существования отдельных человеческих коллективов.

Вначале существовал не один язык, а множество, поскольку человеческое общество зарождалось и развивалось одновременно в нескольких местах. Одним из таких очагов первобытной материальной культуры общества, а следовательно и языка, является Западная Европа; это не исключает того, что в других местах, благоприятных по своим климатическим и природным условиям, тоже развивалось человеческое общество. Но это значит, что Западная Европа явилась одним из первых мест культуры человеческого общества и языка, поскольку языки Запада — флективные—в своей системе отражают целый ряд пройденных ими ступеней в их генетической связи, связанных с определенными сменами материальной культуры. Там, где имеются очаги материальной культуры, там развивается и язык.

Индоевропейская лингвистика учила, что некогда существовал один язык, из которого затем развились другие языки, родственные между собою. На этой предпосылке существования изначального родства между языками она объединяла эти последние в „семьи“. Таким образом, процесс языкового развития шел, по ее мнению, путем от единства к множеству.

Материалистическая лингвистика в корне отрицает это положение. Вначале был не единый язык, а много языков, созданных искусственно, т. е. вполне сознательно человеческим обществом. Впоследствии, с развитием отдельных коллективов, которые вступают в связь друг с другом, начинает обогащаться и развиваться язык путем скрещений. Мы знаем, что существование одинаковых языковых систем объясняется сходством культуры этих народов, а не их изначальным родством между собою. Следовательно, то сходство, которое мы замечаем у некоторых групп языков, основывается на сходстве их общественно-экономических структур, или, как называет Н. Я. Марр, родство языков — это социальное схождение.

Языки идут тем же путем, по которому двигается культура общества, которая проникается все больше элементами сходства как в технике, так и в экономике у разных народов. Подчиняясь общему движению от разнообразного классового общества к единому социалистическому обществу, будущий всемирный язык будет отличен в своей системе от существующих в настоящее время языков, являясь сам порождением новой системы хозяйственно-общественных отношений. Правильность этого взгляда материалистической лингвистики подтверждается следующими высказываниями Сталина в заключительном слове на XVI партсъезде, по поводу нацкультур и нацязыков: „Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом мас-

штабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым".

Вот почему материалистическая лингвистика отрицает возможность применения в качестве такого будущего искусственного всемирного языка — языка эсперанто, идо и др. Эти языки являются по своей сущности буржуазно-классовыми языками: идея создания их принадлежит тем слоям буржуазии на Западе, которая была заинтересована в осуществлении торговых мировых связей в интересах одного класса.

Будущий всемирный язык должен быть выразителем системы бесклассового социалистического общества и служить для объединения всех народов между собою вне класса, нации или расы.

Таковы в сущности взгляды материалистической лингвистики на происхождение и путь последующего развития языков мира.

Основная яфетидологическая литература.

1. Н. Я. Марр.— Природа и особенности грузинского языка. Газ. „Иверия“ № 86. 1888 г.

2. Его же.— Основные таблицы к грамматике др.-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПБ. 16 стр. 1908 г.

3. Его же.— Яфетическое происхождение армянского слова „margarey“— пророк. ИАН. 1909 г.

4. Его же.— Яфетическое происхождение hайского „beran“ — рот. ИАН. 1910 г.

5. Его же.— Яфетические элементы в языках Армении. ИАН. 1911—1919 г г.

6. Его же.— К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. М. Я. Я. т. V. 1911 г.

7. Его же.— Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания. ЗВО, т. XXII. 1913 г.

8. Его же.— Яфетические названия деревьев и растений. ИАН. 1915 г.

9. Его же.— Кавказский культурный мир и Армения. Ж. М. Н. П. 1915 г.

10. Его же.— Кавказоведение и абхазский язык. Ж. М. Н. П. 1916 г.

11. Его же.— Непочатый источник истории Кавказского мира. ИАН. 1917 г.

12. Его же.— О яфетическом происхождении баскского языка. ИАН. 1920 г.

13. Его же.— Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры. М. Я. Я. Лейпциг. 1920 г.

14. Его же.— К вопросу о происхождении племенных названий „этруски“ и „пеласги“. ЗВО. 1921 г.

15. Его же — Предисловие к ЯС, т. I. 1922 г.

16. Его же.— К вопросу об яфетизмах в германских языках. ЯС, т. I. 1922 г.

17. Его же.— К вопросу об яфетизмах в албанском языке. ЯС. т. I. 1922 г.

18. Его же.— Термин „скиф“. ЯС, т. I. 1922 г,

19. Его же.— Яфетиды. Восток, кн. I. 1922 г.

20. Его же.— Предварительный отчет о командировке в пределы древней Этрурии и Баскии. ИАН. 1923 г.

21. Его же.— Индоевропейские языки Средиземноморья. Д. А. Н. 1924 г.

22. Его же.—„О небе“ как гнезде празначений. ДАН. 1924 г.

23. Его же.— Из семантических дериватов „неба“. ДАН. 1924 г.

24. Его же.— Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении. ИАИМК, т. III. 1924 г.

25. Его же.— О яфетической теории. Н. В., кн. V. 1924 г.

26. Его же.— Термины из абхазо-русских этнических связей. Термины „лошадь“ и „тризна“. Ленинград. 1924 г.

27. Его же.— Из поездки к европейским яфетидам. ЯС, т. III. 1925 г.

28. Его же.— Грамматика др.-литературного грузинского языка. М. Я. Я., т. XII. 1925 г.

29. Его же.— Основные достижения яфетической теории. Р. на Дону. 1925 г.

30. Его же.— Отчет о поездке к восточно-европейским яфетидам. ИАН. 1925 г.

31. Его же.— Абхазоведение и абхазы. ВС, т. I. 1926 г.

32. Его же.— Происхождение американского человека и яфетическое языкознание. ВС, т. I. 1926 г.

33. Его же.— Абхазский аналитический алфавит. ЛИЖВЯ. Ленинград. 1926 г.

34. Его же.— Über die Entstehung der Sprache. Unter dem Banner des Marxismus. 1926 г.

35. Его же.— Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. ИКИАИ. Ленин. 1926 г.

36. Его же.— Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии. Ком. по изуч. яз. и культ. нар. Вост. Москва. 1926 г.

37. Его же.— De L'origine japhétique de la langue basque. Сб. Язык и литература, т. I. Ленин. 1926 г.

38. Его же.— Две новые работы С. С. Uhlenbeck'a по баскскому языку. Сб. Язык и литература, т. I. 1926 г.

39. Его же.— Происхождение терминов „книга“ и „письмо“. Изд. Ин-та книгов. Лен. 1926 г.
40. Его же.— К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова. В. К. А., кн. XVI. 1926 г.
41. Его же.— Скифский язык. П. Э. Р. Москва. 1926 г.
42. Его же.— Чуваши-яфетиды. Чебоксары. 1926 г.
43. Его же.— Лингвистически намечаемые этапы развития человечества и их увязка с историей матер. культуры. САИМК, т. I. 1926.
44. Его же.— Китайский язык и палеонтология речи. ДАН. 1926 г.
45. Его же.— Абхазско-русский словарь. Лен. 1926 г., изд. Акад. абх. яз. и литературы.
46. Его же.— Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении. Краевед., т. IV. Лен. 1927 г.
47. Его же.— Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков. Журн. „Под знам. маркс.“ № 6. 1927 г.
48. Его же.— О числительных, т. I. Лен. 1927 г.
49. Его же.— Яфетическая теория. Баку. 1928 г.
50. Его же.— Из Пиренейской Гурии. ИКИАИ, т. VI. 1928 г.
51. Его же.— Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык. Л. В. И. 1929 г.
52. Его же.—Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком. ИЛЯЗВ. 1929 г.
53. Его же.— Карфаген и Рим, fas и jus. САИМК, т. II, 1929 г.
54. Его же.— Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории. Изд. К. А. Москва. 1929 г.
55. Его же.— Отчет о третьей лингвистической поездке за границу. ИАН. 1928 г.
56. Его же.— К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. Труды I Всесоюзной конф. истор.-марк., т. II. 1930 г.
57. Его же.— Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии. ГАИМК, т. VI. 1930 г.
58. Его же.— Язык и письмо. ГАИМК. 1930 г.
59. Его же.— Родная речь — могучий рычаг культурного подъема. Ленинград. 1930 г.
60. Его же.— Яфетические зори на украинском хуторе. Изд. Н. И. Ин-та Нар. Вост., т. I. Москва. 1930 г.
61. Его же.— Право собственности по сигнализации языка. Сб. „На боевом посту“. 1930 г.
62. Ковалев.— Яфетическая теория и марксизм. Сб. „Проблемы марксизма“. 1928 г.
63. Мещанинов.— Введение в яфетидологию. ИЛЯЗВ. 1929.
64. Его же.— Яфетидология и марксизм. Изд. Гос. Азерб. Ун-та. Баку. 1930 г.
65. Аптекарь.— В путях развития к марксистской лингвистике. В. К. А. № 27. 1929 г.
66. Его же.— Шаг вперед — два назад. Нов. Вост. № 23, 1930 г.
67. Его же — От яфетидологии к марксистской лингвистике. Ученые записки. Изд. Н. И. Ин-та Нар. Вост., т. I. 1930 г.
68. Его же.— Изучение языка и соцстроительство. Журн. „Русский язык в сов. школе“ № 5.
69. Его же.— На забытом участке теоретического фронта. ЛИЯ, № 1, 2. 1930 г.
70. Данилов.— Лингвистика и современность. Литерат. и маркс. № 3. 1930 г.
71. Кельда.— К вопросу о происхождении языка. В. К А., № 31. 1930 г.
72. Холодович.— Марксистская лингвистика и ее „левые“ критики. Журн. „Звезда“. № 12. 1930 г.

Список сокращений.

АН — Академия Наук.— Ленинград.

ДАН — Доклады Академии Наук.— Ленинград.

ЖМНП — Журнал Министерства Нар. Просвещения.— СПБ.

ЗВО — Записки Восточного отделения Русского Археологич. об-ва.— СПБ.

ИАН — Известия Академии Наук.— Ленинград.

ИАИМК — Известия Гос. Академии Истории Матер. Культуры.— Ленинград.

ИКИАИ — Известия Кавказского Историко-Археологич. Института.— Ленинград — Тифлис.

ИЛЯЗВ — Н.-Исследов. Институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском Университете.

МЯЯ — Материалы по яфетическому языкознанию, изд. Яфет. Института. — Ленинград.

ПЭР — По этапам развития яфетической теории. Изд. Н.-Исследов. Института этнических и национальных культур народов Востока.— Москва.

ЯС — Яфетический Сборник. Изд. Яфетического Института Академии Наук.— Ленинград.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 1 р. 30 к.

